Маленький цветочный магазин у моря

Автор:
Эли Макнамара

Маленький цветочный магазин у моря

Эли Макнамара

Книжный магазинчик Эли Макнамары

Поппи получает в наследство от бабушки цветочный магазинчик в маленьком портовом городе. И это звучит прекрасно, вот только она ненавидит цветы, романтику и сантименты. К тому же все считают ее безответственной, никто не верит в то, что она справится с таким подарком. Поппи сгоряча хочет продать магазин, но, когда приезжает в город уладить дела, ее решимость тает. Магазинчик окутан тайнами, местные жители поговаривают, что букеты, которые они там покупают, творят чудеса и исполняют желания. Поппи сначала не верит в такую ерунду, но потом в ее жизни начинают происходить необъяснимые и совершенно удивительные вещи. Неужели букеты и правда заколдованы? Или же люди настолько в это верят, что сами создают в своей жизни магию?

Эли Макнамара

Маленький цветочный магазин у моря

Джейку, моему Бэзилу

Пролог

1993

Мы с братом пробираемся через толпу курортников по Харбор-стрит. Сегодня суббота, и народу в городе полно: кто уплетает мороженое и пирожки, кто выбирает в лавочках сувениры, а кто просто наслаждается дивной летней погодой.

Но мы с Уиллом у магазинчиков не задерживаемся, хоть у меня и текут слюнки при виде белоснежного мороженого с шоколадными хлопьями в руках у какой-то дамы. День выдался жаркий, и я бы с радостью угостилась холодненьким, хоть мы только что и позавтракали. Бабушка говорит, что у меня не желудок, а бездонная бочка. Что поделаешь: аппетит у меня хороший, а здесь, на морском воздухе, еще больше разыгрывается.

Но сегодня не до мороженого. Потому что мы с Уиллом спешим на встречу кое с кем из самых любимых людей на свете.

Уилл на бегу прижимает к себе бумажный пакет, а я тащу охапку цветов: бабушка всучила их мне, когда мы выскакивали из ее цветочного магазина.

– Стэну привет, – говорит она, как обычно. – Не забудете?

– Не забудем! – и мы выбегаем на улицу.

Наконец мы выбираемся из толчеи и гама Харбор-стрит и бежим к гавани. На скамейках полно загорающих, они пытаются спасти от парящих над ними чаек рыбу, чипсы и чудесные пирожки из той булочной, что по соседству с бабушкиным магазином.

Сейчас бы пирожное с заварным кремом!

Наконец курортники с их соблазнительными лакомствами остаются позади, и мы взбираемся по узкой тропе на Пенгартен-Хилл.

– А вот и мои юные друзья!

Это наш старина Стэн сидит на вершине холма и любуется прекрасным видом на город и гавань.

– Да вы, я погляжу, с гостинцами! Что же там такое?

– Пирог, конечно! – счастливо улыбающийся Уилл протягивает ему пакет.

– И цветы от бабушки.

И я отдаю букет.

– С ними в моем домишке становится краше, – говорит Стэн, нюхая цветы. – Так чем сегодня займемся? Историю рассказать? Или прямиком в замок?

– Историю! – кричу я.

А Уилл говорит:

– В замок.

Стэн улыбается.

– А давайте и то, и другое? Расскажу вам историю по пути к Трекарлану.

Мы с Уиллом идем рядом со Стэном и улыбаемся в предвкушении очередной великолепной сказки о его удивительном доме.

Как это было захватывающе! Друг, который жил в замке! Я чувствовала себя сказочной принцессой.

Знала бы я тогда, весело шествуя вверх по холму, что эти драгоценные летние дни в Сент-Феликсе останутся счастливейшей порой моей жизни.

Глава 1

Нарцисс – новые начала

Этого же не может быть, правда?

Я стою возле бабушкиного старенького цветочного магазина и смотрю на вывеску. «Гирлянда маргариток» – выведено желтыми буквами с завитушками. Но краска облупилась, первое слово читается как «ирл…нд», словно какая-нибудь ирландская лавка.

Я смотрю на вымощенную булыжником улицу: здесь мы носились детьми, бегали в булочную за восхитительными пирожками, в киоск – за бабушкиной любимой газетой. А с выбора новых совка и ведерка в пляжном магазине на углу начинались наши каникулы.

Да, это то самое место. Вот булочная, только теперь она называется «Голубая канарейка», а не «Мистер Бамблз», как прежде. Вон и газетный киоск, там, где улица вьется по склону холма. А в пляжном магазинчике чуть поодаль, наверное, летом по-прежнему можно купить совок и ведерко, но сейчас дождливый апрельский понедельник, время далеко за полдень, и двери там на замке, а внутри нет света.

Не стоит корить хозяев за то, что они закрыли магазин так рано: сейчас не лучшее время для отдыха на побережье. Над городом нависает туман, здесь тускло и сыро, и за то недолгое время, что я здесь нахожусь, мне попалось очень мало отдыхающих. Если уж на то пошло, народу вообще мало.

Это природный феномен побережья: в солнечную погоду здесь яблоку негде упасть, но стоит приливу принести с собой тучи, как все исчезают, прячась по отелям, коттеджам и фургонам.

На каникулах у бабушки я иногда молилась, чтобы пошел дождь: тогда можно было бы вволю бродить по пляжам и лазить по утесам без целой толпы курортников вокруг.

Я окидываю взглядом извилистую улицу. За булочной, киоском и пляжными товарами – маленький супермаркет, благотворительный магазин, аптека и, кажется, художественная галерея, но издали не скажешь наверняка. Несколько очажков среди вереницы запустелых зданий с окнами, замазанными белой краской. Куда подевались сувенирные лавочки? В детстве их здесь было видимо-невидимо. Сент-Феликс славился своими изделиями – это вам не какие-нибудь панамки и футболки с грубоватыми надписями. Что случилось с местными художниками, где их работы?

Бабушкин магазин ютится внизу Харбор-стрит, у самого выхода к гавани. С первого взгляда он кажется обветшавшим, но, посмотрев на череду заброшенных домов вокруг, я радуюсь тому, что он вообще держится. Ниже, в гавани, видны несколько рыбацких лодок и полоска бледно-желтого песка: время отлива. Может, и погоду эту промозглую куда-нибудь унесет.

День выдался утомительный: с долгим переездом из квартиры на севере Лондона в Сент-Феликс, маленький корнуолльский городишко. Удобства ради мама взяла для меня напрокат автомобиль, новенький черный «ренджровер». Но никакая роскошная машина не скрасит путешествия туда, куда ехать не хочешь.

Что-то сжимается внутри, когда я печально смотрю на свое взъерошенное отражение в витрине. Понятно, почему парень на заправке так вытаращился, когда я подкатила на внедорожнике: физиономия бледная, длинные черные патлы растрепаны – тридцатник никак не дашь. Подумал, наверное, что мне бы на пассажирском сиденье разъезжать, а не на водительском.

Мимо проходит немолодая пара с двумя малышками, судя по одинаковым одежкам – близнецами. Женщина останавливается, чтобы поправить на одной из девочек пальтишко, поднимает капюшон, уберегая ее от пронизывающего ветра, и заодно целует в щеку.

У меня сжимается сердце.

Так и бабушка делала, когда я была маленькой.

Я отворачиваюсь, снова смотрю на магазин, и уже в который раз за этот день меня охватывает чувство вины. Сколько я ныла о возвращении в Сент-Феликс – и все-таки не вернулась вовремя.

Потому что бабушка умерла.

Не преставилась, не перешла в лучший мир, или как там это еще называют, чтобы легче стало принять неизбежное.

Просто умерла и покинула нас, как рано или поздно случается со всеми.

Все плакали. Кроме меня. Я больше не плачу.

Черное носить – это пожалуйста, я такое люблю.

Пойти на похороны, говорить, какая она была замечательная, съесть все, что приготовили на поминки, – с этим тоже проблем не возникло.

Нотариус, приехавший из Корнуолла, собрал всю семью в шикарном лондонском отеле для чтения завещания.

Мы явились: я, мама с папой, тетушка Петал и мои противные кузины Вайолет и Мэриголд. После всей мороки с похоронами чтение завещания поначалу показалось сущим пустяком. В первый момент, когда меня объявили единственной наследницей бабушкиного состояния, на Вайолет и Мэриголд взглянуть было страшно. Но первый шок прошел, мама обняла меня, твердя, что это начало настоящей жизни, и нахлынула паника, вызванная осознанием реальности случившегося.

– Боюсь, мисс, сегодня вы здесь цветов не купите, – произносит голос у меня за спиной, и я, вздрогнув, возвращаюсь к реальности.

Я оборачиваюсь. Молодой полицейский с густыми темными волосами, выбивающимися из-под каски, стоит передо мной, заложив руки за спину. Он кивком указывает на витрину.

– По понедельникам здесь больше никого не бывает.

– А в остальное время?

Ничего себе. Я-то думала, сюда вообще никто не заглядывал с тех пор, как год назад бабушка, уже не обходившаяся без посторонней помощи, легла в лондонскую клинику, оплаченную ее дочерями.

Он пожимает плечами. Судя по нашивкам, это констебль.

Особо гордиться тут нечем, но в знаках отличия у полицейских я разбираюсь хорошо. Когда столько имеешь с ними дело… Скажем так, это входит в привычку.

– Да, в остальные будние дни кое-кто бывает. Вроде как…

Я жду, когда он продолжит.

– Видите ли, прежняя владелица, увы, умерла. Похоже, славная была женщина.

– Похоже?

– Я-то ее не знал. Я здесь недавно, всего несколько месяцев.

– И кто же присматривает за магазином?

– Местная женская организация. – Он понижает голос. – Те еще мегеры. Отнюдь не те мягкие создания, которым впору цветами заниматься. Я их побаиваюсь.

Я сочувственно киваю.

– Хотя, – продолжает констебль, – не люблю я ни о ком плохое говорить. Дамы этим по доброте душевной занимаются, а по мне, такое чего-то стоит.

– Конечно, – вежливо улыбаюсь я.

– Но по понедельникам здесь закрыто. Так что если вы за цветами, то вам, боюсь, не повезло.

– Ничего страшного, – говорю я в надежде, что он оставит меня в покое. – Как-нибудь в другой раз.

– Надолго в Сент-Феликсе? – Констебль явно не прочь поболтать. Он смотрит на небо. – Здесь бывают деньки и получше.

– Пока не знаю. Надеюсь, ненадолго.

Он выглядит обескураженным.

– В смысле, может, на несколько дней. – Я тоже бросаю взгляд на небо. – Зависит от погоды.

– А, понятно. Хороший план. Отличный. – Он улыбается. – Жаль, что так вышло с магазином. Не в обиду тем леди будет сказано, но, по-моему, у них с цветами не очень получается. Если хотите что-нибудь посовременней, пройдитесь вверх по холму к Джейку. У него найдется все нужное.

– А Джейк – это?..

Надеюсь, я не пожалею о том, что спросила.

– У него свой питомник на Примроуз-Хилл. Поставляют цветы по всей округе. Между нами… – Он наклоняется и снова понижает голос. – Я именно к нему хожу за цветами для главной женщины в моей жизни.

– Для мамы? – Как такого не поддразнить? Слишком уж этот констебль не похож на полисменов, с которыми я сталкивалась в Лондоне. Хотя эти встречи не назовешь дружескими: как правило, меня арестовывали. Ничего серьезного, мои злодеяния не заходили дальше нарушений общественного порядка и попоек. Ну и самое любимое: я взобралась на льва на Трафальгарской площади. Я была бунтаркой в юные годы, вот и все. Криминала за мной не водилось.

– Да. Именно, – бормочет он, краснея. – Цветы для мамы. Ну, мне пора. Работа, знаете. Город сам за собой не присмотрит.

Зря я его дразнила: он славный малый.

Он отдает честь.

– Рад был с вами поговорить, мисс.

– И я. А вы констебль?…

– Вудс, – с гордостью говорит он. – Но все здесь меня зовут Вуди. Я был против, но, кажется, это уже прилипло. Хоть бы начальство не узнало, а то не слишком солидно получается.

Я улыбаюсь.

– А по-моему, вам идет. Спасибо за совет насчет цветов, Ву… констебль Вудс. Думаю, это то, что нужно.

Он кивает.

– Просто выполняю свою работу, мисс.

Он лихо разворачивается на каблуках лакированных черных ботинок и, размахивая руками, вышагивает дальше по булыжной мостовой.

Я снова смотрю на магазин.

– Ну, поглядим, что мне от тебя досталось, бабушка Роза.

И я достаю из кармана ключ. Мама отдала мне его сегодня утром в Хитроу, когда я провожала их с отцом в Штаты.

– Точнее, что ты мне оставила на продажу.

Впервые за пятнадцать лет я осторожно отпираю дверь, горло сдавливает, и я снова переношусь в прошлое, в день похорон.

– С какой стати бабушка Роза оставила мне магазин? – нарушает мой крик тишину отеля. – Терпеть не могу цветы, она же знала! Она что, так сильно меня ненавидела?

– Поппи! – Мама потрясена. – Не говори так о бабушке, ты же знаешь, как она тебя любила! Магазин – это краеугольный камень всей империи «Гирлянда маргариток», и она бы не завещала его тебе, если бы не знала…

Она запинается, и я прекрасно вижу, что вертится у нее в голове: бабуля рехнулась, раз передала свой драгоценный магазин в такие руки.

Сколько раз я все это слышала: что в нашей семье всегда были цветоводы, это передавалось от поколения к поколению… В каждой ветви династии Кармайков обязательно хоть кто-то выращивает цветы, продает или работает флористом. Будто пластинку заело. Но этим дело не ограничилось. «Гирлянда маргариток» вышла на международную арену. Мама открыла магазин в Нью-Йорке, кузина затеяла свой бизнес в Амстердаме, а в этом году филиал появится в Париже. Каждый Кармайкл любил цветы – кроме меня. Мне и так перепало от фамильной традиции давать детям растительные имена, и на этом мои отношения с ботаникой завершились. Цветам не место в моей жизни, и менять этого я ни в каком обозримом будущем не собиралась.

– Ну? – подбодрила я.

Пусть моя мамочка выскажется вслух. Я же знала, что была в семье паршивой овцой, о которой говорят вполголоса. То ли бабушка не замечала этого, то ли думала, что цветочный магазин все поправит. Как она могла так ошибиться?

Мама глубоко вздохнула.

– Она не завещала бы тебе магазин, если бы не знала, что ты справишься.

– Может быть. – Я пожала плечами.

– Поппи, – сказала мама, успокаивающе поглаживая меня по руке. – Я понимаю, что тебе трудно, правда. Но бабушка дала тебе хорошую возможность. Шанс изменить свою жизнь к лучшему. Пожалуйста, хотя бы попытайся.

Тут выступил вперед отец.

– Хотя бы просто съезди и посмотри на магазин, Поппи. Ради матери, если не ради себя самой. Ты же знаешь, как много значит бабушкин магазин для нее и для всех Кармайклов?

Начинается дождь, и я, не мешкая больше у порога, заскакиваю внутрь и быстро закрываю дверь. Меньше всего на свете хочется, чтобы владельцы соседних магазинов заметили меня внутри и принялись барабанить в окно, чтобы поболтать. Я не собираюсь здесь задерживаться.

Лампу лучше не включать, и я осматриваю помещение в том скудном свете, который пробивается в окно.

Магазин оказался больше, чем я помнила. Может, я просто видела его раньше только полным цветов. При бабушке здесь на каждом шагу стояли банки с яркими букетами, только и ждущими, чтобы украсить чью-нибудь жизнь.

В магазине и сейчас полно посудин, только сейчас они пустые, будто дожидаются, когда кто-нибудь расставит в них свежие стебли с бутонами.

Я вздыхаю. На цветы мне плевать, но я очень любила бабушку и хорошо помнила счастливые, полные солнечного света каникулы, проведенные с ней в Сент-Феликсе. Это же здесь мы с братом строили замки из песка, а став старше и сильнее, занимались серфингом. А вечерами волны прилива смывали прочь тщательно возведенные, но теперь покинутые дворцы. Бабушка махала нам из шезлонга в красно-белую полоску, и термос с горячим шоколадом был готов, чтобы взбодрить наши утомленные, ноющие тела, изнемогшие после битвы с волнами…

Я встряхиваю головой.

Теперь все это в прошлом. Надо сосредоточиться на том, что предстоит сделать. И я иду в неярком свете, шаг за шагом, стараясь не упустить ничего из приборов и мебели. Все это, возможно, придется продавать по отдельности, если я выставлю магазин на торги, а покупателю обстановка не понадобится. Хотя вряд

ли за это много выручишь. Мебель, похоже, вся сделана из массивного темного дуба. Огромные шкафы и комоды сдвинуты к запачканной кремовой стене. Кому они сдались? Современным магазинам подавай модное светлое убранство, чтобы клиентам было как можно удобней.

Было у меня в жизни несколько мерзких месяцев, которые я проработала в огромном супермаркете до Рождества. Чуть не спятила, час за часом размагничивая штрихкоды на горах праздничных покупок. Дошло до того, что мне стали сниться кошмары про «3 по цене 2» и «специальное предложение», и в конце концов я посреди смены залезла на транспортерную ленту и заорала, что жадность еще никого до добра не доводила и всем им, и покупателям, и продавцам, должно быть стыдно.

Если бы это был просто очередной сон, еще полбеды, но меня стаскивали с кассы два охранника, обрадованные возможностью хоть что-то сделать, а не тупо пялиться в мониторы. Меня приволокли к заведующему и мигом уволили с запретом работать в этой торговой сети в радиусе ближайших пятидесяти миль.

Это был пункт номер очередной в разрастающемся Неудачном послужном списке Поппи.

И что, этот магазин, бабушкина отрада и гордость, станет следующим?

– Остальные прыгали бы от радости, достанься им бабушкин магазин! – пищала Мэриголд на чтении завещания. – Это была бы честь. Бог знает, почему она все оставила тебе, Поппи.

– Я так и знала, – в тон ей запричитала Вайолет. – Именно ты! А ты сейчас вообще в состоянии с этим справиться?

Она склонила голову набок и окинула меня взглядом, исполненным притворного сострадания.

– Я слышала, ты все еще занимаешься медитацией?

– Медитация мне не нужна, только таблетки, чтобы вынести пару назойливых дур-кузиночек, – заявила я, и она вылупила глаза. – Я уже давно в порядке, и

тебе, Вайолет, об этом прекрасно известно. Мама, пожалуй, права: бабушка хорошо это знала, поэтому и предоставила мне шанс. В отличие от некоторых.

Вайолет показала язык, как склочная малолетка.

– Я, правда, в этом не уверена, Флора. – Тетушка Петал с озабоченным видом повернулась к моей матери. – «Гирлянда маргариток» – это фамильная гордость. Как можно все это передать Поппи с ее-то прошлым?

Последнее слово было произнесено шепотом, будто оно ядовитое.

– Я здесь, вообще-то, – напомнила я.

– Поппи, – мама успокаивающе подняла руку, – я сама.

И она развернулась к Петал.

– У Поппи случались непростые моменты в жизни, как всем нам известно. А еще мы знаем, – подчеркнула она, – чем это было вызвано.

У всех сделался слегка пристыженный вид, а я прикрыла глаза. Не выношу, когда меня жалеют.

– Теперь она изменилась, верно, Поппи? – Она подбадривающе кивнула мне. – Сколько ты проработала на последнем месте?

– Полгода, – промямлила я.

– Вот видите! – заверещала Мэриголд. – Она нигде задержаться не может!

– Тут моей вины не было. Показалось, что тот парень в номере пристает ко мне. Что оставалось делать?

Меня вполне устраивала работа горничной в одном из пятизвездочных отелей Мэйфера. Работа была тяжелая, но не монотонная, и нравилась мне гораздо больше, чем я ожидала. Я даже продержалась там дольше, чем где-либо еще.

Все было хорошо до того момента, как я зашла к одному чересчур игривому постояльцу, чтобы разобрать постель. По мне, так совершенно бессмысленное занятие: какой идиот сам не может откинуть для себя одеяло? Но это тоже входило в мои обязанности, и каждый вечер около шести часов я обходила номера и стучалась в двери. В тот раз мне заявили, что я «неадекватно отреагировала», когда опрокинула кувшин с водой на макушку клиенту, который, уже лежа в постели, позвал меня проверить, работает ли его «оборудование». Откуда мне было знать, что он пять минут назад звонил на ресепшен и просил прислать кого-нибудь, чтобы проверить забарахлившую систему объемного звука?

Так меня и попросили с очередной работы.

Не обращая внимания на Мэриголд, мама, демонстративно улыбаясь, продолжала:

– Что ж, сколько бы ни продлилось, все равно это был прогресс, чего мы и добивались. – Она кивнула, явно рассчитывая на всеобщее одобрение. – Надо дать Поппи шанс утвердиться и в наших глазах, и в ее собственных.

Она повернулась ко мне:

– Думаю, у тебя получится, Поппи. И бабушка Роза это знала.

Я вглядываюсь в затененную глубину магазина, пытаясь рассмотреть, на месте ли старая бабушкина конторка. Как ни странно, да, и я осторожно направляюсь к ней. По дороге задеваю пустое ведро, и оно с грохотом опрокидывается. Быстро ставлю его на место и иду дальше.

Медленно приближаюсь к конторке. Сколько раз мы с братом прятались под ней, когда приходили покупатели, а потом с хохотом выскакивали из засады, и они подскакивали от неожиданности! Ну ладно, я выскакивала, Уилл был слишком вежлив и хорошо воспитан, чтобы кого-нибудь пугать.

Я провожу рукой по мягкой, теплой, обшарпанной поверхности, и образы ушедших дней наполняют комнату. Будто я потерла волшебную лампу и вызвала

джинна воспоминаний.

А цела ли, интересно…

Я забираюсь за конторку и включаю фонарь на телефоне. Внутренняя часть стола выступает из темноты, и я направляю свет в угол.

Она на месте.

Надпись в верхнем левом углу. Вырезана кое-как бабушкиными садовыми ножницами в приступе безумной отваги.

Здесь были У. и П. Июль 1995 г.

Это Уилл написал. Я улыбаюсь при виде буквы г с точкой. Даже в граффити все по правилам.

Бунтари вместе навсегда

Это уже я добавила внизу. Хотя непослушными нас нельзя было назвать, просто иногда мы проказничали. Мне было десять, когда мы это написали, а Уиллу двенадцать.

Знала бы я, что и двадцать лет спустя останусь бунтаркой.

– Ну… не знаю, – пробормотала я, видя, что все семейство ждет моего решения. – Вы же знаете, я цветы терпеть не могу, да и ответственность – это не мое. Может, мне его продать?

Все так и ахнули.

Мама тяжело вздохнула.

– Подождите.

Она схватила меня за руку и вытащила в вестибюль отеля. Вовремя, а то быть бы мне растерзанной родственничками.

– Поппи, Поппи! – Мама покачала головой. – Что мне с тобой делать?

– Старовата я, чтобы меня отшлепать, – отшутилась я – мой обычный защитный механизм в серьезных ситуациях. – Тридцатилетних переростков в вестибюлях понтовых отелей щетками не шлепают, может, в номер зайдем?

Мама смотрела на меня с укором.

– Когда-нибудь… – она поднесла палец к моим губам. – …ты наживешь себе серьезные неприятности. Ты очень легко выходишь из себя, а вспыльчивый нрав при остром уме – опасное сочетание.

Я невесело усмехнулась.

– Уже сколько раз наживала.

Мама отступила на шаг и окинула меня взглядом.

– Может быть, ты унаследовала это от нее, – задумчиво произнесла она. – Такой темперамент. Твоя бабушка никогда моему отцу спуску не давала. Не то чтобы обидеть хотела, все в шутку. Точно как ты.

Она протянула руку и погладила меня по волосам.

– В молодости у нее была такая же копна черных волос, как и у тебя. Помню, как она подолгу расчесывала их перед зеркалом. В то время средств для выпрямления волос еще не было, так она собирала их в высокую прическу.

Она вздохнула, как всегда бывало, когда приятные воспоминания уступали место проблемам – как правило, связанным со мной.

– Правда, Поппи, не представляю, о чем думала мама, оставляя тебе свой драгоценный магазин. Она не питала на твой счет иллюзий. Но, видно, у нее на то были причины. А она, хотя я в молодые годы ни за что бы этого не признала, в очень многом оказывалась права.

Она посмотрела на меня с надеждой: вдруг передумаю?

– Ну ладно, ладно, я поеду, – тихо сказала я, уставившись на свои ботинки от Док Мартен. Они непривычно блестели: начистила их специально для похорон.

– Правда? – Мама засияла так, словно выиграла в лотерею. – Это чудесные новости!

– Только уговор, – сказала я. – Я поеду в Сент-Феликс и посмотрю, что там и как, но если пойму, что это не мое, или возникнут какие-нибудь проблемы, то продам магазин, и чтобы потом без претензий. Идет?

Мама слегка вздрогнула, но потом кивнула.

– Конечно, Поппи, договорились. Просто надеюсь, что чары Сент-Феликса подействуют на тебя, как бывало в детстве.

А потом произошло то, чего не случалось очень давно: она притянула меня к себе и крепко обняла.

– Может, вернется прежняя Поппи. Мне так ее не хватает.

Обнимая ее в ответ, я думала, что если только Сент-Феликс не умеет обращать время вспять, то той, прежней Поппи, не будет.

Глава 2

Камелия – моя судьба в твоих руках

– Есть кто-нибудь?

Внезапно раздавшийся голос вырывает меня из воспоминаний, которым я предаюсь, уютно свернувшись под конторкой; я подпрыгиваю и ударяюсь головой.

– Ограбление, – бухаю я, когда незнакомый тип с любопытством свешивается сверху.

– Что вы там делаете?

На меня с тревогой смотрит рослый широкоплечий незнакомец.

– Ищу кое-что. – Я встаю, потирая голову. – А почему вас это волнует?

– А вы имеете право здесь находиться? – Темно-карие глаза подозрительно оглядывают меня с пят до головы.

– За воровку меня приняли? Тогда уж давайте и за дурочку: красть здесь особо нечего.

– Да еще с таким шумом.

Я молча смотрю на него.

– Я проходил мимо, услышал грохот, – объясняет он. – Вот и решил зайти проверить.

Я вспоминаю про опрокинутое ведро.

– А… понятно.

– А вы-то что тут делаете?

Ноги широко расставлены, руки сложены на груди. Классическая защитная позиция у мужчин. Одна из моих первых психологов была специалистом по языку тела и многому меня научила.

Я вздыхаю и качаю перед ним связкой ключей.

– Новый владелец, представляете?

Он изумлен.

– А я думал, магазин достался внучке Розы.

– Откуда вы знаете?

– Ее мать звонила, предупредила, что она приедет. Я Джейк Эшер, у меня тут цветочный питомник.

– А, так это вы Джейк.

– Да… – Джейк явно озадачен. – А вы?..

И не успеваю я рта открыть, как он вскидывает руку.

– Постойте, так вы и есть внучка Розы! – и он кивает головой. – Тогда все понятно.

– Что понятно?

– Ничего особенного, просто ваша мама предупреждала по телефону о вашем характере…

И он умолкает при виде моих сузившихся глаз.

– А давайте заново начнем, ладно? – И он протягивает мне руку. – Добро пожаловать в Сент-Феликс.

Я подозрительно разглядываю его, прежде чем пожать его руку, на удивление широкую. Его пальцы полностью накрывают мою ладонь.

– Спасибо.

Вдруг со стороны шкафа раздается шорох, и в полумраке я вижу, как что-то лезет по полке.

– Что за черт? – вскрикиваю я, едва не нырнув обратно под конторку.

– Все в порядке! – Джейк успокаивающе поднимает руку. – Это всего лишь Майли.

Что-то спрыгивает с полки ему на плечо.

– Это что, обезьяна? – изумленно спрашиваю я, напрягая глаза в полумраке.

– Она самая. – Джейк подходит к дверям и включает свет. – Капуцин.

– Но почему?

Я разглядываю маленького пушистого зверька. Тот настороженно смотрит в ответ и облизывает левую лапку.

– Почему она капуцин? Встретила мама-обезьянка папу-обезьянку…

– Забавно. Я спрашиваю, почему именно обезьянка? Разве не жестоко держать их в неволе?

– В целом я с вами согласен. – Джейк чешет обезьянку под подбородком, и она кладет мордочку ему на руку. – Но Майли – особый случай. Ее тренировали в Штатах для работы с инвалидами, но она не подошла. Слишком независимый нрав для работы в благотворительности. Но Майли привыкла к людям, и выпускать ее обратно в природу было нельзя. Один мой друг-американец рассказал о ней, и я решил ее взять.

Майли гладит соломенные волосы Джейка, а потом, к моему ужасу, начинает перебирать их.

Меня перекашивает.

– Да ладно вам, ничего съедобного у меня в волосах она не найдет, – шутит Джейк и достает из кармана орех. Протягивает его Майли, и та мигом перелетает на вешалку и принимается счищать скорлупу. – Это у нее просто инстинкт.

Я подозрительно разглядываю Майли из-за конторки.

– И вы просто так взяли и взвалили на себя заботу об обезьянке? – с сомнением спрашиваю я. Для меня обезьяны – это животные из зоопарка или из телевизора. Впервые вижу человека, который держит такое дома.

– Ну да, взял и взвалил, – кратко отвечает Джейк. – А в чем проблема?

– Ни в чем! – Я поднимаю руки. – Что вы делаете с обезьянкой, меня не касается.

Джейк меняется в лице, его губы дергаются.

Я соображаю, что ляпнула не то, и краснею. Обезьянка уже прикончила орех и снова недоверчиво таращится на меня.

– Она ест фрукты? – поспешно спрашиваю я. – У меня яблоко с собой.

Джейк кивает.

– Майли любит яблоки.

Я лезу в кожаный рюкзак, достаю зеленое, слегка помятое яблоко и протягиваю его Майли.

– Э-э… – начинает Джейк.

– Она этот сорт не любит?

– Да нет, она, конечно, привереда в еде, но не настолько. Просто оно для нее великовато.

– Ох, конечно! – Я верчусь по сторонам в поисках чего-нибудь, чем можно разрезать яблоко. – Подождите!

И я бросаюсь в заднюю комнату, где бабушка колдовала над цветами, собирая их в неповторимые, порой даже экзотические букеты, при виде которых осчастливленные покупатели начинали сиять.

Я словно делаю шаг в прошлое: комната почти не изменилась. Разве что прибрана получше: наверняка постаралась местная Женская гильдия, или кто там присматривает за магазином.

На полке стоит банка с инструментами, а в ней то, что я ищу: нож. Бабушка подрезала им наискось стебли растений, чтобы они быстрее вбирали в себя воду. Надо же, какие детали иногда вспоминаются. Я беру нож и деревянную доску и иду обратно в зал.

– Да вы не беспокойтесь, – говорит Джейк. – Ей пока для счастья ореха достаточно.

– А это не беспокойство. Я ей предложила угощение, забирать обратно нечестно. Я так никогда не поступаю.

Джейк следит, как я кромсаю яблоко на мелкие куски.

– Так, а теперь что делать?

– Просто протяните ей. Захочет – возьмет. Только учтите, Майли обычно незнакомых не любит… Ох.

Майли уже сидит напротив меня на столе и крошечной лапой забирает яблочную дольку.

– Но вы ей понравились, – заканчивает Джейк.

Мы наблюдаем, как Майли старательно мусолит яблоко.

– А зачем мама вам звонила? – наконец говорю я.

– Что собираетесь делать с магазином? – одновременно спрашивает Джейк и улыбается. – Что ж, сначала дамы. Ваша мама звонила, потому что это я поставляю сюда цветы, и она предупредила меня, что вы теперь здесь хозяйка. Не знаю, в курсе ли вы, но с тех пор как ваша бабушка легла в больницу, за магазином присматривало несколько женщин из местных. Они старались, конечно, но для Сент-Феликса их подход к цветам оказался непривычным.

Мне вспомнился Вуди. Цветы – они и есть цветы. Зачем что-то еще выдумывать?

– Все равно это любезно с их стороны.

– Конечно, – соглашается Джейк. – Вашу бабушку здесь любили. Некоторые даже ездили в Лондон на ее похороны.

– Да, я знаю.

– А теперь ваша очередь отвечать, – говорит он. – Кстати, не давайте, пожалуйста, Майли все яблоко, у нее потом будет живот пучить.

Я подавляю смешок.

– Вообще-то я сама пока не знаю. – Я оглядываюсь по сторонам. – Цветы и я… Это как-то…

Я указываю на свое одеяние: черные джинсы в обтяжку, любимые докмартеновские ботинки бургундского цвета, мешковатый длинный черный свитер.

– Мы плохо сочетаемся.

– Не думаю, – небрежно бросает Джейк. – Я в вас с первого взгляда цветочницу признал.

По идее мне должно быть лестно. Но меня это заявление задевает.

– Тогда, наверное, лучшее решение – продать магазин, – продолжает он. – Взять деньги и отправиться куда-нибудь позагорать на солнышке. Вам бы это не помешало.

– Деньги или солнышко? – уточняю я, скрестив руки на груди.

Джейк криво усмехается.

– Что-то я все время не то ляпаю. Я имел в виду солнце: вид у вас бледноватый.

– Это мой естественный цвет лица, – вскипаю я. – Просто я не мазюкаюсь искусственным загаром, как некоторые свистушки.

Майли вздрагивает от моего повышенного голоса.

– Извини, приятель, – мягко говорю я. – То есть, девочка, леди… Как к обезьянам женского пола обращаются?

– Просто по имени. Обычно этого достаточно.

– Извини, Майли, – тихо говорю я. – Не хотела тебя пугать.

Маленькие глаза-виноградинки с пониманием смотрят на меня с пушистой мордочки, будто Майли вчитывается в мои мысли. А потом с серьезным видом протягивает мне лапку.

– Она хочет подружиться, – объясняет Джейк. – Протяните ей руку.

Я так и делаю.

Но Майли, вместо того чтобы пожать мою руку, аккуратно кладет ошметки яблока мне на ладонь. А потом вспрыгивает Джейку на плечо.

– Извините, – говорит Джейк. – Она иногда немного чудит.

– Ничего, – отзываюсь я, глядя на яблочные ошметки. – Это не первый раз, когда мне приходится убирать чужой мусор, и, думаю, не последний. Вот это мне все охотно доверяют.

Джейк вопросительно смотрит на меня, но я не собираюсь просвещать его на этот счет.

– Выпить не хотите? – спрашивает он. – Тут паб дальше по улице, а вы, судя по всему… Простите, – поспешно добавляет он. – Опять я со своими домыслами.

Я внимательно разглядываю его. С виду неопасный. Вряд ли тип, расхаживающий с обезьянкой на плече, окажется серийным убийцей.

И я киваю.

– А вот это, Джейк Эшер, первая вразумительная вещь, которую вы сказали с тех пор, как сюда вошли.

Глава 3

Львиный зев – предположение

«Веселая русалка», наверное, была выточена из того самого куска скалы, от которого берет начало весь Сент-Феликс. Паб, он же гостиница, стоял возле гавани, сколько я помню, и за те пятнадцать лет, что мы не виделись, совсем не изменился.

Пусть менялись хозяева и убранство, обстановка внутри оставалась прежней: тепло и радушие для всех: для гостей и для местных.

– Что вам взять? – спрашивает Джейк возле барной стойки.

На мгновение я задумываюсь. Вести машину сегодня не понадобится: я хочу остановиться в бабушкином коттедже.

– Пинту, пожалуйста.

Джейк изумленно вытаращивается. Я приподнимаю бровь.

– Никогда не видели, чтобы девушка пинту заказывала?

– Конечно, видел, – отвечает он. – Но вы же о пинте пива, а не чего-нибудь покрепче?

И тоже приподнимает бровь, а в глазах блестят веселые искры.

Приходится изобразить улыбку.

– Ну да. Пинту пива, пожалуйста.

– Рита, пожалуйста, две пинты моего обычного, – обращается Джейк к барменше, одетой в цветастое платье стиля пятидесятых. Прическа под стать наряду: ярко-рыжие волосы собраны в эдакий улей.

– Конечно, дорогой. – И Рита взмахом руки указывает на обезьянку: – А для Майли что?

– Ей пока не надо, Рита, спасибо.

Майли забирается на стойку и играет подставками для пива.

– Отлично. – Рита достает стаканы для пива, с интересом поглядывая на меня. – Мы нигде раньше не встречались? Кажется, я вас знаю.

– Это Поппи, – объясняет Джейк, прежде чем я успеваю что-то сказать. – Внучка Розы.

Рита сияет.

– Надо же, я так и думала, что вас узнала: вы же копия бабушки! – И на ее лицо сразу набегает тень. – Сожалею о вашей потере. Розу здесь все очень любили. Как вы без нее?

Я открываю рот, чтобы ответить.

– Верно, дурацкий вопрос. – Рита покачивает головой. – По одежде вижу, что вы еще в трауре. Ричи!

Я подпрыгиваю от ее пронзительного вопля, а с другого конца бара к нам направляется какой-то человек.

– Иди сюда, посмотри, кто тут у нас!

Ричи как раз заканчивает обслуживать клиента, проходит за барную стойку и кивает мне. На нем джинсы и пестрая рубашка с растительным узором.

– Это внучка Розы! – возвещает Рита.

– Вижу. – Ричи протягивает руку. – Рад познакомиться. Вы ведь Поппи, верно?

– Да, а откуда вы знаете?

– Ваша мама вчера звонила, сказала, чтобы мы вас ждали.

Она хоть кому-нибудь в Сент-Феликсе еще не звонила?

– Вы, как я погляжу, уже познакомились с Джейком, – говорит Ричи. – И с Майли.

Майли уже рассталась с идеей выстроить башню из подставок для пива и теперь просто терзает их на клочки.

– Да, Джейк как раз заглянул в магазин.

– Так теперь вы будете нашей цветочницей? – радостно восклицает Рита. – Какое счастье!

Она с чувством явного облегчения смотрит на Ричи, и тот кивает.

– Поппи, возможно, продаст магазин, – сообщает Джейк, прежде чем я успеваю что-нибудь сказать.

Я бросаю на него яростный взгляд, но он знай себе дует свое пиво.

Я выдавливаю улыбку.

– Вообще-то я еще не решила.

Заявление Джейка на несколько мгновений лишило Риту и Ричи дара речи.

– Ясно. – Ричи первым нарушает тишину. – Вообще грех такое продавать. Но вам решать, конечно. Если вы так надумали, могу только пожелать удачной и скорой сделки.

Лицо Риты приобретает почти такой же оттенок, как у ее волос.

– Вы не можете так поступить! – неожиданно взрывается она. – Извини, Ричи. Я знаю, что клиент всегда прав. Но этот магазин нельзя продавать! Роза его так любила! И вообще это особое место, ты же знаешь!

И она бросает на него многозначительный взгляд.

Посетители оборачиваются, чтобы узнать, из-за чего Рита так разбушевалась.

– Рита! – предостерегающе произносит Ричи. – Был уговор: за стойкой свое мнение держи при себе. Извините, Поппи.

– Все в порядке, – говорю я, хотя такая вспышка меня озадачивает. – Мне нравится, когда люди говорят, что думают. Кроме того… – и теперь уже я бросаю выразительный взгляд на Джейка, – я еще ничего окончательно не решила. Мне

нужно несколько дней, чтобы разобраться.

– Вы должны ее переубедить! – Рита хватает Джейка за руку. – Вы же знаете, как магазин важен для города!

Джейк мягко сжимает руку Риты и опускает ее на стойку.

– Поппи сама разберется, – говорит он. – Она взрослая женщина со своими взглядами.

– Скоропалительных решений не будет, обещаю. – Я пытаюсь ее успокоить.

Рита коротко кивает головой:

– Что ж, и то хорошо.

– Ладно, оставляем вас с вашим пивом, – говорит Ричи. – Зовите, если захотите чем-нибудь закусить. Есть крекеры и спагетти, и… – Он обводит взглядом полупустой паб. – Если что-нибудь не выскочит, то до конца недели мы с Ритой только этим и довольствуемся.

Джейк достает деньги, но Ричи останавливает его.

– За наш счет. В память о Розе.

Ричи уводит Риту на поиски страждущих посетителей.

Я отпиваю глоток.

– Вы для этого меня сюда привели? Знали, какая будет реакция, и хотели меня так разубедить?

Джейк пожимает плечами.

– Ничего подобного. Просто это единственная пивная в Сент-Феликсе, а мне хотелось промочить горло.

Я смотрю на него поверх стакана.

– Честно. Мне все равно, продадите вы магазин или нет.

– Не все равно, – говорю я, следом за ним пробираясь к освободившемуся столу у окна. – Если я продам магазин кому-нибудь, кто не захочет заниматься именно цветами, вы окажетесь не у дел.

Джек смеется.

– Что? Что такого смешного?

– Какой бы милой ни была ваша бабушка, я поставляю цветы не только в ее магазин, но и по всему Корнуоллу.

– Я этого не знала.

– Вы что-нибудь о цветах вообще знаете? – спросил Джейк. – А то я думал, что у вас это семейный бизнес.

– Не особо, – признаюсь я. – Всегда старалась держаться от этого подальше.

– Почему?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю. Цветы – это не мое.

– А что тогда ваше?

Я задумываюсь.

– Если честно, я с этим еще не определилась.

Джейк наблюдает за мной, потягивая пиво.

– Что? – спрашиваю я. – О чем задумались?

– Вот правда, ни о чем, – говорит он. – А вы обидчивая.

– Ничуть. И если я не втянулась в семейный бизнес, это не означает, что у меня какие-то проблемы!

– А я и не говорил, что у вас проблемы. – Джейк покачивает головой. – Сижу себе, пиво пью. Только и всего.

Мы оба хватаем стаканы и пьем, глядя куда угодно, но не друг на друга. Я слежу за Майли, играющей на другом конце бара: кажется, Рита угостила ее орехами. Обезьянка старательно сдирает с них скорлупу, аккуратно заталкивает очистки под полотенце и с удовольствием вгрызается в ядро.

– Извините, – через некоторое время говорю я, поворачиваясь к Джейку. – Я немного вспылила. Водится за мной такая скверная привычка.

– Без проблем. – Джейк с дружелюбным видом пожимает плечами.

– Просто я уже сотни раз такое выслушивала, – пытаюсь я объяснить, в чем дело. – Что я должна заниматься семейным бизнесом, как все. Что я какая-то странная, раз ни за что в жизни зацепиться не могу.

– Я и не говорил, что вы странная. – Джейк внимательно смотрит на меня. – А вы себя сами такой считаете?

Я закатываю глаза.

– А теперь вы прямо как мои психологи. Тоже пытаетесь обратить мои слова против меня.

– Вы обращаетесь к специалистам? – спрашивает заинтересованный Джейк и придвигает стул поближе.

– Да, ну и что? Многие обращаются.

– Так я и не сказал, что в этом есть что-то плохое. М-да, нелегко с вами.

Я смотрю на Джейка. Зря я ему сцену устроила, он же просто пытался оказать мне любезность.

– Знаю. Тоже не раз слышала. Иногда это называют высокими запросами.

– А вы как это называете? – спрашивает Джейк, и в его темных глазах снова вспыхивают веселые искорки, которые ему очень идут.

– Я просто стерва неуклюжая, – говорю я и, отхлебывая пиво, наблюдаю за его реакцией.

К моему восторгу, он хохочет. Мы улыбаемся друг другу, и возникшее было напряжение пропадает.

– Закажем что-нибудь поесть? – спрашивает Джейк, бросая взгляд на часы. – Знаю, что всего пять, но я зверски проголодался.

– Давайте, – охотно соглашаюсь я. Когда это я от еды отказывалась? – Я тоже голодная.

– Сейчас принесу меню, – говорит он, поднимаясь. – И еще мне надо будет позвонить.

– Конечно, – отзываюсь я и смотрю, как Джейк идет к барной стойке. Он забирает Майли и два меню, протягивает одно из них мне и берет свой телефон.

– Сейчас, отзвонюсь.

Он выходит, а я пялюсь в меню, делая вид, что читаю, а сама не могу сосредоточиться. Ты мозгами хорошо пошевелила, Поппи? Всего пару часов в городе, а уже ужинаешь с незнакомцем. Ну хорошо, не совсем с незнакомцем, но тем не менее.

Джейк вообще не в моем вкусе. Более зрелый, чем парни, к которым меня обычно тянет. Ему где-то около сорока. Плечистый, мощный, но это может быть не от тренировок, а из-за того, что он сам пашет в своем питомнике. По виду он славный, но я сейчас ни с кем не хочу завязывать отношений. Особенно ни с кем из Сент-Феликса. Потому что иначе могу застрять здесь навсегда.

Дудки. Надо сохранять ясную и холодную голову, пусть даже у Джейка самая симпатичная улыбка, какую мне доводилось видеть…

Возвращается Джейк с Майли на плече, садится напротив, и я прикидываюсь, будто изучаю меню.

– Извините, – говорит он, когда я поднимаю на него глаза. – Надо было позвонить домой, предупредить, что задерживаюсь.

– Ничего страшного, – говорю я, а у самой в голове чехарда.

Домой?

Я делаю вид, что читаю меню, а сама украдкой бросаю взгляд на левую руку Джейка и вижу золотое обручальное кольцо, которого не заметила раньше.

Черт, так и знала: это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Он женат.

– И как, ваша жена не против того, что вы тут ужинаете? – Мне крепко не по себе. Поужинать с мужчиной сразу после знакомства – полбеды, но с женатым…

– Я не жене звонил, а детям, – говорит он.

Господи, у него и дети есть! Я прикидываю, как бы отсюда слинять. Вот почему я стараюсь держаться от мужчин подальше. Пяти минут не провела в городе и уже попалась на милую улыбку и накачанную задницу.

– Ага, понятно, – осторожно говорю я и снова утыкаюсь в меню, ставшее вдруг невероятно интересным.

– Они уже подростки, вполне сами могут готовить себе еду, – продолжает Джейк, не замечая моего замешательства. – Но я всегда предупреждаю их, когда задерживаюсь.

– Разумеется.

– Что-нибудь не так? – Джейк вопросительно смотрит на меня. – Что-то вы притихли. Вы можете быть какой угодно, Поппи, но это на вас не похоже.

Не в моих привычках подслащивать пилюлю, и я выдаю напрямик:

– Я не вижусь с женатыми мужчинами.

Джейк оглядывается по сторонам.

– Где не видитесь?

– Я имею в виду, не встречаюсь с женатыми. Одно из моих правил.

Я с довольным видом откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди. Вру, конечно, нет у меня насчет свиданий никаких правил. Но звучит круто.

Джейк морщит загорелый лоб, пытаясь въехать в смысл моих слов, а потом расплывается в улыбке.

– Так вы думали… – Он поводит пальцем от себя ко мне. – Это свидание?

Майли у него на плече пронзительно верещит и хватается за живот, словно от хохота.

Я заливаюсь краской.

– А что тогда? Приглашаете поужинать, а потом говорите, что женаты. Извините, конечно, но для меня это несовместимо.

Джейк кивает:

– Теперь понятно.

– Что понятно? – спрашиваю я.

Джейк залпом допивает свой стакан и со стуком ставит его на стол.

– Что ж, спасибо, что дали мне почувствовать себя местным волокитой. Каковым я, смею вас заверить, не являюсь. Просто вел себя по-дружески, только и всего. Роза была чудесным человеком и верным моим товарищем. Вот я и подумал, что хорошо будет поддержать ее внучку. Видимо, ошибся. – Он встает. – Хорошего вечера, Поппи. Может, увидимся до вашего отъезда.

А потом, к моему ужасу, он разворачивается и, не оглядываясь, с Майли на руках выходит из паба.

С щеками, пылающими под стать разогретым фахитас, которые Рита приносит на соседний столик, я хватаю свой стакан и пью, украдкой озираясь: заметил ли кто-нибудь, что произошло? Но народу в пабе мало, а те, кто есть, заняты своими делами и даже не смотрят в мою сторону. И я тихонько поднимаюсь и выскальзываю за дверь.

Я в своем репертуаре.

Глава 4

Подснежник – надежда

Бабушкин коттедж «Подснежник» – маленький домик с парой комнат на первом этаже и парой на втором. Он стоит посреди Нижней улочки, тянущейся от другого конца гавани до самой «Гирлянды маргариток».

От магазина до дома рукой подать. Я ухитряюсь на несколько минут перекрыть движение, пока достаю вещи из внедорожника, припаркованного перед коттеджем.

Рассыпавшись в извинениях перед целой очередью водителей, я отгоняю машину на стоянку и возвращаюсь, чтобы распаковать багаж.

Много времени на это не уходит. Кое-что из вещей я притаскиваю в спальню, которую в детстве мы делили с братом. Застилаю одну из парных кроватей и наскоро осматриваю дом.

Внизу все, как мне и запомнилось: тихая спаленка в задней части дома, рядом с крохотной ванной. Уютная кухня в светло-голубых тонах, с окнами, выходящими на улицу; черная плита и стол с четырьмя стульями. Не изменилась бабушкина спальня наверху: массивная старомодная кровать с лоскутным покрывалом из гагачьего пуха, беленая мебель, которой стоять бы в комнате побольше. Напротив светлая гостиная с мягким алым диваном, на котором навалены пестрые подушки, креслом-качалкой, маленьким телевизором и книжным шкафом, полным книг, журналов и бумаг. Едва переступив порог, понимаешь, почему бабушке понадобилась гостиная именно на втором этаже. Через французские окна с балконом открывается превосходный вид на залив, живо запомнившийся мне с детства.

Я выглядываю из окна. Увы, бо?льшую часть пейзажа скрадывает густой туман, к тому же льет дождь. Но, стоя на балконе, глотая капли дождя, я вижу охапки поникших желтых нарциссов и пестрых тюльпанов в деревянных кадках.

Урчит в животе, и я спохватываюсь, что после остановки на заправке так ничего и не ела. Спускаюсь вниз, снимаю с вешалки у кухни тяжелое синее непромокаемое пальто с капюшоном и надеваю его. Тереблю висящую рядом зюйдвестку, но решаю, что вид у меня и так дурацкий и незачем дальше выставлять себя на посмешище.

Затем беру сумку, отпираю дверь и отправляюсь в город на поиски пропитания.

Вскоре мои ноздри улавливают запах рыбы и чипсы, и я сворачиваю в припортовый рыбный магазин, по-собачьи стряхнув с себя как можно больше воды на пороге.

Внутри уже есть пара человек. Я становлюсь в очередь и жду.

– Всего одну порцию? – спрашивает круглолицый добродушный кассир. – Не похоже на тебя, Джейк! С твоим-то выводком ты обычно оптом затариваешься.

Ох, нет, только не это!

Но это именно оно.

– Планы на ужин изменились, Мик, – отвечает знакомый голос. – Дети уже поели, теперь я один остался.

Я прижимаюсь к стенке и сосредоточенно изучаю доску объявлений: встреча с городским советом, благотворительная распродажа, кошка пропала…

– Ага, тогда понятно.

– Только дети вряд ли будут в восторге, если я заявлюсь домой с угощением, а они не при делах. Пожалуй, поем в фургоне.

– Хороший план, – одобряет кассир. Слышится шорох оберточной бумаги. – Нет-нет, приятель, это от меня. Жене так понравились твои цветы, что я перед тобой в долгу.

– Счастливо, Микки! – говорит Джейк. – Пока, Лу.

Это уже сказано женщине в очереди передо мной. Джейк выходит, и колокольчик над дверью звенит ему вслед.

Ффух, он меня не заметил!

Лу, стоящей передо мной, приходится ждать, пока для нее поджарят цыпленка, и подходит моя очередь.

– Что вам, красавица? – Микки широко улыбается, и зубы на загорелом лице кажутся еще белее, чем они есть.

– Треску и чипсы, пожалуйста.

– Конечно, красавица. Треску покрупнее?

– Да, если можно, и чипсы тоже большие.

Микки ухмыляется, стоя за кассой.

– Аппетит разыгрался? – весело спрашивает он.

– Немножко. – Я улыбаюсь в ответ.

– Треска будет через пару минут, – говорит Микки. – Но свежая и хорошая. Пойдет?

– Конечно.

Я отступаю в сторону и улыбаюсь Лу. Это немолодая женщина, закутанная от дождя в пальто вроде моего.

– Такие дни здесь редко выдаются, – говорит она, кивая на дождевик. – На завтра уже хороший прогноз.

– Это хорошо.

– В городе сегодня тихо, покупателей почти не было.

– А у вас какой магазин? Может, она работает с «Гирляндой маргариток» по соседству?

– Я заведую почтовым отделением, и еще у меня газетный киоск, – говорит она. – Апрель – странный месяц. Местные-то всегда на виду, а туристы в такую пору бывают разные, в зависимости от погоды. Мы торгуем мороженым, напитками, сладостями, всем таким. В солнечную погоду все идет нарасхват, а в дождь продажи падают.

Я киваю, гадая, зачем столько подробностей.

– Я смотрю, сейчас много магазинов закрыто.

– Да, и это очень печально. Но такое только за последний год началось, обычно здесь жизнь бьет ключом. А сейчас просто стыд.

– Лу, твое готово, – окликает Микки из-за кассы. Он протягивает большой пакет с упакованным цыпленком. – И откуда вы все взялись такие оголодавшие?

И он смеется.

– Это же не все для меня! – оправдывается Лу. – Брат на несколько дней приехал из Бирмингема, а он такое любит.

Микки кивает.

– Приятного аппетита вам обоим!

Лу улыбается ему и направляется к дверям.

– До встречи, Поппи! – говорит она мне с порога.

Я уже поднимаю руку, чтобы помахать, и тут до меня доходит. Погодите! А откуда она знает мое имя?

Я смотрю на нее через залитое водой окно: Лу отвязывает бассет-хаунда, привязанного под навесом магазина напротив, и они вместе уходят по улице.

– Вот! – отвлекает меня Микки от раздумий. – Крупная треска и чипсы.

Он снимает рыбу с плиты, кладет на бумагу и посыпает чипсами.

– Вы-то, надеюсь, не будете есть в фургоне в одиночку? – спрашивает он.

Я тупо смотрю на него.

– Как Джейк, в смысле?

И тут же горько жалею, что это брякнула.

– Ну да, бедняга. Он так до сих пор и не оправился, верно?

Микки решил, что раз я знаю имя Джейка, то мне известно и все остальное.

– Нет, – осторожно говорю я, покачав головой. – А вы думаете, оправится?

Надеюсь, ответ все прояснит.

Микки высыпает остаток чипсов и заворачивает мою покупку.

– Не знаю. Вот так потерять жену – это кого угодно подкосит. Хотя он еще молодцом – благодаря детям держится.

– Да… – Я торопливо киваю, подначивая Микки продолжать.

Так Джек вдовец? Или жена его бросила?

– Самая ухоженная могила на церковном дворе.

Микки протягивает мне чек.

– Семь фунтов, пожалуйста, моя красавица. Каждую неделю свежие цветы, без пропусков.

Вдовец… Вот теперь мне совсем погано.

– Да, это хорошо, – произношу я, забирая сверток. – Спасибо.

– Не за что, – отзывается он, разглядывая меня с любопытством. – А вы здесь раньше бывали? Лицо знакомое.

– Бывала очень давно, – говорю я истинную правду. – Я здесь ненадолго, по делу.

Микки явно доволен объяснением.

– Меня память на лица не подводит, – подмигивает он.

– До свидания! – говорю я, направляясь к выходу. – Буду еще захаживать.

Я закрываю за собой дверь, надеваю капюшон – и едва не припускаю бегом со своей треской, когда замечаю белый фургон, припаркованный возле гавани.

На нем выведено красной краской: Джейк Эшер – цветы.

Я задумываюсь на мгновение, а потом, не давая себе времени, чтобы струсить, меняю направление и иду к гавани и к белому фургону…

Глава 5

Лесной орех – согласие

Стучусь в окно со стороны водительского сиденья и вижу Джейка: расстелил обертку с рыбой и чипсами на коленях и алчно уплетает их.

Он поднимает голову и видит меня в непромокаемом пальто, под струями дождя. Щурится, пытаясь разглядеть под капюшоном, кто это отрывает его от ужина.

Узнав меня, он опускает окно.

– Да?

Такого я не ожидала. Думала, он сразу откроет дверь и впустит меня в сухой и теплый фургон.

– Я… я хотела поговорить с вами, – бормочу я, запинаясь.

– О чем? – спрашивает Джейк, и лицо его лишено всякого выражения.

– О том… в пабе. Извините меня.

– Все в порядке, – отвечает он. – Извинения приняты.

И начинает поднимать стекло.

– Нет, постойте! – кричу я.

Джейк останавливается и выжидательно смотрит на меня.

Я лихорадочно соображаю.

– Я поговорить хотела… о цветах… для магазина.

Джейк обдумывает услышанное.

– Что ж, по-моему, вам лучше забраться внутрь.

И пока я обегаю вокруг фургона, убирает какие-то бумаги с пассажирского сиденья.

Я залезаю внутрь и пытаюсь вылезти из мокрого пальто, но это не так-то легко сделать, удерживая на коленях сверток с ужином.

Джейк сидит, откинувшись в водительском кресле, совсем рядом, и я улавливаю приятный аромат лосьона после бритья, смешанный с чем-то еще более мягким… Конечно же, со свежими цветами.

– Так лучше? – спрашивает он, когда я наконец выбираюсь из пальто.

– Да, спасибо. Это не мое, – торопливо сообщаю я. – Оно висело в бабушкином коттедже.

Джейк улыбается.

– Я заметил, что это не ваш стиль.

На языке вертится «И что это значит?» – но я заставляю себя сделать глубокий вздох и вместо этого смотрю на сверток с ужином у него на коленях.

– Пожалуйста, ешьте, не обращайте на меня внимания.

Джейк странно смотрит на меня.

– Хорошо, но только при двух условиях.

– При каких? – Я настораживаюсь.

– Во-первых, вы тоже ешьте, пока ваша порция не остыла. А во-вторых, объясните, что за вежливость и кротость на вас напали. На вас это не похоже.

Мы вдвоем уминаем ужин в фургоне Джейка.

– Так что вы хотели спросить о цветах? – интересуется Джейк, когда формальные темы вроде погоды, Сент-Феликса и магазина Микки уже обмусолены. Должна признать, что нейтрально-вежливый треп никогда не был моей сильной стороной.

– Вы передумали, решили остаться и работать в магазине?

Не дождавшись ответа, Джейк поворачивается и вопросительно смотрит на меня.

– Э-э… Ну да. Я над этим думаю.

– И что к этому подтолкнуло?

– Ох, все, не могу я так больше! – кричу я, хватаясь за голову – не лучшая идея, после того как поешь рыбу с чипсами.

У Джейка озадаченный вид.

– Как не можете?

– Сидеть тут как ни в чем не бывало, болтать о том о сем и врать, будто хочу сохранить магазин. Это все не я.

– Зачем тогда в мой фургон влезали? – По лицу Джейка пробегает легкая улыбка. – Не за моими же познаниями в цветоводстве, какими бы обширными они ни были.

Я повышаю голос – это срабатывает защитный механизм.

– Я не влезала, это вы меня пригласили!

– Не мог же я вас оставить под дождем, – ухмыляется Джейк. – За кого вы меня приняли?

Стоит мне начать заводиться, как Джейк сразу остужает мою ярость. Как ему это удается?

– Говорю же, извиниться хотела, – отвечаю я уже спокойнее.

– Вы это еще на улице сделали. Что еще изменилось? Вы же были твердо убеждены, что я распутный прелюбодей.

– Я такого не говорила. – Я смотрю на его руку, лежащую на руле. – Ваше кольцо. Я думала, вы женаты.

– А… кольцо. – Джейк задумчиво смотрит на свою руку. – Да, верная примета.

Он переводит взгляд на меня; веселья на лице как не бывало, и голос становится серьезным.

– Я был женат… какое-то время назад. Но моя жена… – Он сглатывает, и я чувствую, как ему больно. – Она умерла.

– Мне очень жаль.

На его губах появляется слабая улыбка, какая бывает, когда улыбаться – это последнее, что людям хочется делать.

– Бывает такое. Случается каждый день с десятками… да какое там, с сотнями человек. Только не представляешь, что это может произойти и с тобой тоже.

Мне хочется взять его за руку, сказать, что хорошо знаю это чувство. Но я сижу неподвижно и жду, когда он продолжит.

Джейк смотрит вперед, на дождевые потеки, сбегающие по лобовому стеклу.

– Не надо говорить, если не хочется, – произношу я.

Он пожимает плечами.

– Почему вы не должны быть в курсе? Если вы надумали задержаться в Сент-Феликсе, рано или поздно вас кто-нибудь просветит. Уж лучше это буду я. – Он делает небольшую паузу. – У Фелисити – так звали жену – было редкое заболевание сердца. Мы и не догадывались, что что-то не так. Просто вот она была… И вдруг ее не стало.

Он снова смотрит на меня, и лицо его искажено от тоски и горя.

– Она была на пробежке, когда это случилось. Пробежка – это ведь должно быть полезно? Вам так рассказывали?

Он ждет ответа, и я киваю.

– Сказали, что это могло произойти в любой момент, не важно, бегала она или нет. И все-таки, когда я вижу, как кто-нибудь бегает трусцой, хочется кинуться к нему и сказать: «Не надо, вы сокращаете свою жизнь». – Он криво усмехается. – Считаете меня чокнутым?

Я мотаю головой.

– Люди как-то справляются с этим. И мне удалось, на свой лад. Так у меня в конце концов появилась Майли.

– А где она? – спохватываюсь я и оглядываюсь, уверенная, что она скачет внутри фургона.

– Вы правда хотите знать? – На его губах снова искренняя улыбка.

Я киваю.

– Пристегивайтесь, покажу.

Я колеблюсь.

– Ах, простите, забыл, что я извращенец. – Джейк корчит дурацкую рожу и скашивает глаза к переносице.

– Хватит вам, я ведь уже извинилась!

На самом деле я радуюсь, что он пришел в себя, а то утешитель из меня неважный.

Джейк ухмыляется.

– Извините, не удержался.

– Так где Майли?

– Сначала пристегнитесь, – командует Джейк. – И поехали!

Мы выруливаем из центра города, едем вверх по холму и останавливаемся у здания школы.

Джейк вылезает из машины, а следом выхожу и я.

– Куда мы идем?

Я едва не бегу, чтобы поспевать за его размашистыми, уверенными шагами.

– Сейчас увидите. – И он входит в школу. – Это здесь.

Мы проходим по главному коридору и оказываемся в художественной галерее. На стенах в рамках развешаны картины учеников: надо признать, очень хорошие. У входа в класс Джейк останавливается у стеклянного шкафчика.

– Дочкина работа, – говорит он с гордостью. – В прошлом году сделала.

– Ого! Красиво! – Я разглядываю изящный горшочек из папье-маше, покрытый глазурью. – Как будто из галереи.

– Знаю, – говорит Джейк. – Она очень талантливая. Ей было четырнадцать, когда она сделала эту штучку. И еще она рисует.

– Правда? Художественные способности она унаследовала от вас?

Джейк качает головой:

– Нет, от матери. Я больше по практической части, понимаете?

Я киваю.

Джейк открывает дверь, и мы оказываемся на пороге класса в самый разгар занятий. За мольбертами трудятся сидя, стоя, с дюжину человек. Кто работает пастелью, кто углем, кто карандашами, но на всех рисунках есть кое-что общее.

Обезьянка.

Одна Майли, несколько Майли в разных позах, абстрактная Майли, загогулина, больше похожая на скрипичный ключ, чем на Майли, – и сама героиня дня, возвышается надо всеми на шкафу, уплетая банан. Хотя, судя по рисункам, она тут уже много где успела побывать.

Она замечает Джейка, восторженно верещит, слезает со шкафа, подбегает и забирается ему на руки.

– Минута в минуту! – восклицает стройная молодая женщина с длинными белокурыми волосами – как я понимаю, преподавательница. – Нам пришлось нелегко, но дело того стоило! Хочу поблагодарить Майли за то, что она согласилась позировать. Настоящая звезда!

Класс взрывается овациями, и Майли, сидя на плече у Джейка, отвечает легким поклоном.

Студенты начинают собирать свои инструменты, а преподавательница подходит к нам. Улыбается мне и поворачивается к Джейку.

– Ты нас опять выручил, Джейк, спасибо, – говорит она, прикасаясь к его руке. – С Майли удивительно хорошо работать, так захватывающе.

– Наверное, вам лучше бы что-нибудь более усидчивое, – отвечает Джейк. – Чтобы легче было рисовать.

– Но в этом же весь интерес! – И она со смехом придвигается к нему.

– Давайте я вас друг другу представлю. Поппи, это Белль, наша художница. Белль, а это Поппи, она… – Он на миг запинается. – Она в Сент-Феликсе недавно.

– Привет! – Белль окидывает меня оценивающим взглядом и явно решает, что в вопросе притязаний на Джейка ей опасаться нечего. Притязаний, о которых сам он понятия не имеет. – Как тебя занесло в Сент-Феликс?

– Я унаследовала магазин на Харбор-стрит, – говорю я, рассудив, что таиться незачем. Какой смысл, если столько народу уже знает?

– Правда? Вот это да! – Голос Белль звучит вполне искренно. – Так мы соседи! У меня студия рядом.

– Да, я ее видела сегодня.

– Ну, что теперь? – Белль меняет тему на более интересную. – Джейк, могу угостить тебя в «Русалке» в благодарность за аренду Майли. Тебя, конечно, тоже, Поппи, – прибавляет она после секундного раздумья.

Джейк колеблется.

– Вообще-то я там был совсем недавно.

У Белль удивленный вид.

– Правда? Рановато для тебя. Может, снова туда заскочим? – Она придвигается к нам и понижает голос. – Только между нами тремя: мне всегда хочется опрокинуть стаканчик после работы с этим классом. Счастливо, Боб! На следующей неделе увидимся!

И она машет парню с мольбертом и коробкой красок.

Джейк поворачивается ко мне:

– Поппи, как насчет еще одного стаканчика в «Русалке»?

– До свидания, Джун! – Белль поворачивается к женщине, проходящей мимо. – Отличная работа сегодня, у тебя восхитительные наброски углем.

– Обещаю, что это не свидание, – шепчет Джейк. – Белль будет дуэньей.

– Ну, раз такое дело, – так же шепотом отвечаю я, – то можно и по стаканчику.

Но пока мы ждем, когда все ученики соберут свои мольберты, кисточки и портреты Майли, крохотная частичка души мечтает, чтобы нас снова было только двое.

Глава 6

Лаванда – недоверие

На этот раз в «Веселой русалке» народу побольше, но все равно мы без труда находим для себя местечко в дальнем конце зала.

– Что вам, девочки? – спрашивает Джейк. Майли забирается на свое излюбленное место возле подставок для пива.

– Белое сухое, пожалуйста, Джейк, – говорит Белль. – Что-то здесь многовато народу для вечера понедельника.

Это называется «многовато народу»?!

– Женская гильдия. – Джейк перегибается через стойку, высматривая Риту или Ричи. – Они обычно заходят сюда после собрания.

Он изображает, как подносит к губам воображаемый стакан и опрокидывает его залпом.

Белль заливается смехом, чересчур бурным для простой шуточки.

– Поппи, тебе то же самое?

– Так вы здесь были вдвоем?

На хорошеньком личике Белль появляется гримаска недовольства.

– Заскочили на минуточку, – сообщаю я ей. – Да, Джейк, мне то же самое.

Может, стоило заказать что-нибудь поэлегантнее, но мне нравится пиво. И я не собираюсь от него отказываться только ради того, чтобы не отставать от Белль.

А если и откажусь, стакан другой формы дела не поправит. Белль миленькая, хрупкая, изящная. Со своими волнистыми белокурыми волосами, обрамляющими нежное личико, она смахивает на фарфоровую куклу. И тут я в тяжелых башмаках и черном балахоне, да еще и с ростом пять футов девять дюймов.

Эдакий Дарт Вейдер с принцессой Леей.

– Вернулся? – спрашивает Ричи, добравшись наконец до нас. – И теперь уже с двумя очаровательными леди. Джейк, я в толк не возьму, как ты так ухитряешься?

Джейк ухмыляется и делает заказ, а я верчусь по сторонам, гадая, кого Ричи имел в виду. И вдруг до меня доходит, что вторая очаровательная леди – это я и есть.

Нечасто меня так величают. Точнее, никогда.

– Вы уже устроились в бабушкином коттедже? – спрашивает Ричи, наполняя стакан пивом. – Оттуда, наверное, потрясающий вид на залив.

– Да, обустроилась, и вид потрясающий. Сегодня, правда, через туман мало что разглядишь, но в ясную погоду там очень красиво.

– Вы извините за Риту, – говорит он, поставив один стакан на стойку и берясь за следующий. – Ее иногда заносит.

– Все в порядке, правда. По мне так пусть лучше говорят в глаза, чем шушукаются за спиной.

– Знакомое чувство. – В голубых глазах Ричи сверкает искорка, когда он косится на меня, а потом снова склоняется над стаканом. – Цветочный магазин для нас обоих многое значит, вы в курсе?

– Я так и поняла. Очень уж Рита хотела, чтобы я его сохранила.

Ричи кивает, ставит второй стакан рядом с первым и берется за бутылку вина.

– Я обычно во всякие чудеса не верю, – продолжает он, аккуратно наполняя бокал. – Но в том, что мы с Ритой сейчас здесь, частично заслуга вашей бабушки и ее цветов.

– Правда?

Он кивает и придвигает к нам бокал с вином.

– Да, Поппи, не знаю уж, как и что именно она сделала, но благодарить мы должны именно ее. Девять фунтов восемьдесят центов, пожалуйста.

– Но как она вам помогла? – спрашиваю я, пока Джейк достает десятифунтовую купюру и протягивает ее Ричи.

– Погоди, ты платил раньше! – протестую я и лезу за кошельком. – Моя очередь.

– Это было бесплатно, помнишь? – отвечает Джейк. – И потом, не могу же я допустить, чтобы за меня платили дамы.

Я поворачиваюсь к Белль в поисках поддержки, но та и ухом не ведет, только потягивает свое белое. Я разрываюсь между желанием вытянуть из Ричи побольше о моей бабушке и попыткой остановить Джейка.

Ричи я в конце концов упускаю, и он убегает к другим посетителям, а Джейк отказывается взять деньги.

– Не будь таким старомодным! – сержусь я. – Женщины вполне могут платить за выпивку.

– Да я знаю, – рассеянно отзывается Джейк, отпивая пиво и оглядываясь в поисках места. – Белль, посмотри, кажется, тот столик освобождают.

Белль идет в ту сторону.

– Но тебе это не нравится, так? – Во мне закипает феминистка.

– Что не нравится? – Он наконец поворачивается ко мне.

– Что я могу угостить тебя выпивкой.

– Я еще не обдумывал такой вариант, потому что мы всего день как знакомы. О, Белль машет. Она нашла столик.

Джейк подхватывает Майли и идет через зал, и мне ничего не остается делать, как тащиться за ним. Ну и бесит же он иногда! Что я ни скажу – прав он. И вообще, какое мне дело до типа, с которым, как он сам справедливо заметил, мы только что познакомились?

– Так что ты будешь делать с магазином? – спрашивает Белль, когда мы усаживаемся за столик.

Кажется, первое впечатление о ней было ошибочным. Если не считать ее совершенной наружности и явного увлечения Джейком, она вполне ничего. Бывают такие няшечки, что и рад бы их ненавидеть, да не за что.

– Пока не знаю, – честно отвечаю я. – Магазин вызывает слишком много воспоминаний – и хороших, и тяжелых. Так что и избавиться от него хочется, и…

– …сохранить его? – с понимающим видом подсказывает Белль.

Я киваю.

– Да. Что я точно знаю, так это что я под торговлю цветами не заточена. Это не мое.

– Почему ты так решила? – Ее интерес кажется искренним.

– Знаю, и все. – Я не хочу вдаваться в подробности. – Не судьба мне цветочным магазином заниматься, и всё.

Джейк прячет улыбку за стаканом.

– Что такого забавного? – спрашиваю я.

– Ничего, – говорит он, взбалтывая пиво, но потом переводит взгляд на меня. – Хотя, если честно, то… ты.

– Ну, валяй. – Я автоматически скрещиваю руки на груди: защитная поза. Откидываюсь на спинку стула, приподнимаю бровь.

Терезу, моего нынешнего психолога, удар бы хватил. Долгие месяцы она вдалбливала мне в голову, что это поза человека, чувствующего угрозу. Следующий пункт, над которым мы бились после способов не нападать на всякого, кто не так на меня посмотрит.

– Такая юная и так решительно настроена, – произносит Джейк, задумчиво разглядывая меня.

Не знаю, на какую часть этого заявления реагировать первой, и берусь сразу за оба фронта.

– Во-первых, я не поняла, что ты имеешь в виду под «юной». Мне тридцать, за подростка уж никак не сойду.

У Джейка и Белль одинаково ошарашенный вид. Обычная история: многие считают, что я моложе, чем есть на самом деле. Наверное, следует чувствовать себя польщенной.

– А что до решительного настроя, так чья бы корова мычала, – продолжаю я, прежде чем Джейк успевает открыть рот, и киваю на стойку, за которой хозяйничает Рита. – «Не могу допустить, чтобы за меня платили дамы».

Я передразниваю его нарочитым глухим басом, непохожим на голос Джейка: глубокий, но в то же время мягкий.

– Наверное, – говорю я, глядя на Джейка, – к определенному возрасту и положено быть решительным.

Белль замирает, поднеся к губам пустой бокал, изумленная едкостью моего ответа.

Джейк смотрит на меня, и по его бесстрастному лицу ничего нельзя прочитать.

– Мне в этом году сорок, раз уж мы решили помериться юбилеями, – говорит он. – Открытку можно не присылать и цветы тоже. Это же не по-твоему, верно?

Черт, опять он меня достал!

Я уже хочу ответить ему, как вдруг кто-то трогает меня за плечо.

Я оборачиваюсь и вижу невысокую худенькую женщину с каштановыми волосами, собранными в прическу с шиньоном. На ней темно-синий кардиган, белая блузка, нить мелкого жемчуга на шее, укороченные коричневые брюки и черные туфли без каблуков.

– Кэролайн Харрингтон-Смайт, – сообщает она и тычет мне свою холодную ладонь.

– Привет… – отвечаю я, осторожно пожимая ее руку.

– Вы наверняка уже знаете, кто я, так что обойдемся без формальных представлений. Джейк, Белль, – приветствует она их кивком.

– Вообще-то не знаю.

С такой дамочкой хочется руку поднять, чтобы что-нибудь спросить.

Вид у нее такой изумленный, как будто каждый приезжающий в Сент-Феликс обязан получить листовку с объяснением, кто такова Кэролайн Харрингтон-Смайт, и указанием часов работы, пожарных выходов и парковок.

– О… Понятно. – Она бросает злобный взгляд на ухмыляющегося Джейка. Тот поспешно подносит к губам стакан, пытаясь вытряхнуть из него последние капли.

– Тогда начнем сначала, – произносит она сухим, благовоспитанным тоном. – Я Кэролайн Харрингтон-Смайт, председатель Женской гильдии Сент-Феликса и председатель приходского Совета.

Она ждет моего ответа.

А я тупо смотрю на нее. Ну и как, поздравлять ее со всеми титулами?

Она нетерпеливо вздыхает, не дождавшись реакции.

– Рита, барменша, сообщила мне, что вы новая владелица цветочного магазина на Харбор-стрит.

– Да, верно.

– Последнее время магазином занималась только Женская гильдия…

– Да, спасибо, это было очень любезно с вашей…

– …и я не знаю, как наши дамы отнесутся к этой новости. «Гирлянда маргариток» стала им очень дорога. Вы купили магазин?

– Нет, я внучка Розы. Она оставила мне его по наследству.

– Вы и внучка Розы?!

Она вытаращивает глаза, как будто услышанное повергло ее в шок.

– Да, а какие проблемы?

Не знаю, на всех ли так действует эта дамочка – судя по реакции Джейка на ее появление, то да. Во всяком случае, я начинаю заводиться.

– Все зависит от того, как вы собираетесь поступить с магазином. – Кэролайн деловито одергивает кардиган. – На Харбор-стрит не может находиться что попало. Если вы надумаете продать магазин, надо будет поставить в известность приходской Совет.

– Как я уже твердила всем и каждому, – я бросаю взгляд на компанию за столом, – я еще не знаю, что делать с магазином. Я еще не решила.

Серо-стальные глаза Кэролайн меряют меня с ног до головы.

– Вообще-то на цветочницу вы не похожи, – презрительно заявляет она. – Не пора ли подумать о переменах?

Обычно я после такой провокации в горло вцепляюсь, но здесь общественное место, и на нас уже оглядываются. Не стоит устраивать скандал прямо в день приезда. И я прикусываю губу.

– Ваша бабушка тоже не была деловой женщиной, – продолжает Кэролайн. – При ней магазин не приносил особых доходов. Я знаю, я просматривала бухгалтерские книги. Возможно, приток новой крови – это именно то, что нужно Сент-Феликсу. Вы сами могли заметить, что вид у магазина обшарпанный.

Ну, хватит.

Я отодвигаю стул, поворачиваюсь и нависаю над ее щуплой фигурой, как башня. Пока я сидела, Кэролайн из-за своей напористости казалась гораздо крупнее.

– Может, бабушкин магазин не из самых новых и не самых крутых, – слышу я собственный голос, на удивление отчетливый и спокойный, хотя физиономия у меня вся пылает. – Но в нем было кое-что, чего вы, Кэролайн, похоже, не заметили, в отличие от всех остальных. В нем была душа.

Я чувствую дрожь в ногах, стоя перед ней. Прилюдно выплескивать свои чувства – это не для меня. Но что-то во мне полыхнуло, когда Кэролайн вздумала обливать презрением бабушку и ее магазин, и я не могла не ответить.

Кэролайн ошарашена этой вспышкой не меньше меня. Она яростно пялится, потом озирается, проверяя, кто еще это слышал. И, как всегда, когда где-то назревает свара, люди в пабе притихают.

– Даже удивляюсь, как это я в вас сразу Розину внучку не признала. – Она пытается сохранить лицо, продолжая бой. – Фамильное сходство налицо.

И, не устояв перед искушением куснуть меня, добавляет:

– Та тоже была скандалисткой.

– Ого, – слышу я голос Джейка, наблюдающего за стычкой. – Пятнадцать-тридцать, удар за Поппи.

– Это моя-то бабушка была скандалисткой? – Я тщетно пытаюсь держать себя в руках. – Сильно сомневаюсь. Она была спокойным и добрым человеком. Она прожила в этом городе почти всю свою жизнь и любила его, и любила свой магазин. А вы сами-то здесь давно, Кэролайн? Я погляжу, большим специалистом стать успели.

– Все тридцать очков, – произносит Джейк достаточно громко, чтобы мы его услышали.

Кэролайн насмешливо вскидывает бровь.

– За все это время я ни разу не видела, чтобы вы наведывались к своей бабушке, Поппи. Не слишком-то вы заботливая внучка.

Глубокий вздох Джейка. Шепот:

– Тридцать-сорок.

Спокойно, Поппи. Держи себя в руках.

– А вам, конечно, известно все, что происходит в городе? – цежу я, а у самой сжимаются кулаки. – Да наверняка! Вы из тех кумушек, которые вечно во все свой нос суют и все про всех знают, верно?

– Ничья! – восклицает Джейк, и мы обе бросаем на него злые взгляды.

Кэролайн открывает рот, чтобы что-то сказать в свою защиту, но я перехватываю инициативу.

– Я хочу поблагодарить всех жительниц Сент-Феликса за то, что они присматривали за магазином, это было очень любезно с их стороны. – Я бросаю взгляд на стол, за которым сидит Женская гильдия, хотя часть компании уже

успела разойтись по домам. И наношу решающий удар: – Но теперь здесь я, Кэролайн. И заниматься «Гирляндой маргариток» буду я, и никто другой. Может, я не самая хорошая внучка и не самый умелый флорист, но в магазине постараюсь работать так, чтобы бабушка могла мной гордиться!

И умолкаю, когда соображаю, что брякнула. Ой, нет! Правильно мама говорила: язык у меня слишком длинный.

Я только что у всех на глазах согласилась заниматься цветочным магазином?

Я поворачиваюсь к Джейку: тот ухмыляется.

– Игра окончена! – произносит он одними губами.

Причем в мою пользу.

Раздаются аплодисменты: это Рита ликует за стойкой.

– Да здравствует Поппи и ее волшебный магазин!

Волшебный? Я это уже слышала.

Все вокруг заказывают выпивку и поздравляют меня с новым начинанием, а Кэролайн потихоньку смывается со своими прихвостнями. Хотя подозреваю, что мы с ней еще увидимся. Встречала я таких «председательниц»: они не любят мириться с поражением.

– Ну что, – говорит Джейк, когда восторженная толпа вокруг потихоньку рассасывается, – кажется, нам все-таки придется поговорить о цветах.

Глава 7

Гербера – беззаботность

На следующее утро я просыпаюсь в спальне, залитой солнечными лучами, пробивающимися сквозь занавески.

Ничего себе. В Лондоне я привыкла к наглухо закрытым шторам. Я переворачиваюсь на другой бок, натягиваю покрывало на голову и пытаюсь заснуть снова. Какое там: в голове крутятся события вчерашнего дня, и я ложусь на спину и смотрю на неровный потолок.

После моего нечаянного объявления в пабе Джейк проводил меня домой, а потом пешком отправился к себе. Поскольку он выпил, то фургон благоразумно оставил возле гавани. О магазине он больше не заикался – понял по моему молчанию, что мне многое надо обдумать, и я была ему благодарна за это.

Что меня дернуло ляпнуть такое Кэролайн и всему пабу? Я была уверена в своем желании остаться в Сент-Феликсе не больше, чем в прогнозе погоды на побережье.

Но, как я сама не далее как вчера заявила Джейку, раз сказала, так и сделаю. Путь к отступлению отрезан.

И все-таки, получается, пора мне браться за дело. Я и цветы! Я перекашиваюсь. Этот союз явно не из тех, что благословляются на небесах.

В спальне становится теплее, и я думаю, что в Сент-Феликсе выдастся приятный, солнечный денек. В такой, пожалуй, лучше сводить с городом знакомство. Я сбрасываю покрывало и задумываюсь.

А почему я, собственно, решила, что поселиться в тихом городке возле моря – такая уж плохая идея?

Что меня ждет, если я возьму обратно данное слово, сбагрю кому-нибудь магазин и вернусь в Лондон? Меня выгнали с работы в гостинице, у меня по большому счету не было друзей, и жила я в крохотной квартирке над винным магазином в Барнете – вытребовала себе самостоятельность, после того как наотрез отказалась работать с Вайолет и Петал в Ливерпуле. И это отличный повод не ходить к Терезе: ее ассистент мне уже четыре раза названивал, чтобы перенести на другое время последний сеанс, который я отменила. К моей досаде, мама взяла на себя расходы по лечению, хотя все остальные расходы я

оплачивала сама. Переубедить ее не удалось, как я ни пыталась.

Но торговать цветами… От одной этой мысли мне делается не по себе.

А если мне кто-нибудь поможет? Тогда меньше придется возиться с цветами самой. Возьму на себя всю деловую рутину, а всем остальным пусть помощник занимается!

Эврика! Попробую, а если не получится, уеду до наступления зимних холодов. Как хорошо будет провести здесь лето…

Я лежу в постели, в восторге от своего плана, по моим стандартам весьма недурного. На какое-то время не только маму порадую, но и жителей Сент-Феликса.

Внезапно кто-то барабанит во входную дверь.

Кого там принесло? Я смотрю на часы и обнаруживаю, что уже почти восемь. Хорошо я повалялась, предаваясь мечтам.

Я выбираюсь из кровати и прямо в пижаме шлепаю через холл и кухню. Приоткрываю переднюю деревянную дверь и выглядываю через щель.

Уж не знаю, кого я там ожидаю увидеть во вторник в восемь утра, но определенно это не взбудораженный клубок ярких лохматых волос.

– Привет, ты Поппи? – спрашивает клубок, пытаясь засунуться в щелку.

Я приоткрываю дверь чуть шире.

– Да… А ты кто?

– Эмбер. Меня твоя мама послала, – сообщает она так, как будто я должна быть в курсе.

– В самом деле?

– Да, помочь тебе с магазином. Она же говорила?

– Нет.

– Странно. Она собиралась тебе позвонить… – Эмбер задумывается, запускает украшенную кольцами пятерню во всклокоченные рыжие патлы и морщит веснушчатый нос. И вдруг спрашивает: – Сегодня же среда?

– Нет, вторник.

– А, вот оно что! – И она воздевает руки кверху. – Она должна позвонить тебе сегодня. Я посеяла сутки где-то над Атлантикой.

Она смотрит на меня и улыбается.

– Можно мне войти?

Я встряхиваю головой, чтобы взбодриться. Распираемая энергией американская хиппи – это не совсем то, к чему я привыкла перед утренней чашкой кофе.

– Ну, раз тебя мама послала, заходи, – вздыхаю я и впускаю ее в коттедж.

Эмбер со своими пожитками возится в гостиной, а я готовлю чай: травяной, привезенный гостьей, и простой черный для себя – поскольку молоком я разжиться еще не успела.

Все, что мне пока удалось узнать, – это что Эмбер сегодня утром прилетела в аэропорт Бристоля из Нью-Йорка, с пересадкой в Дублине. Потом села на поезд и уже здесь, в Сент-Феликсе, взяла такси. Она объясняет, что не спала целые сутки, потому так измоталась и все путает.

Я приношу две чашки чая наверх.

Эмбер уже на балконе, подставляет лицо ярким солнечным лучам.

– За такой вид умереть не жалко, – говорит она, обернувшись.

– Да, такое еще поискать. – Я передаю ей чашку и сама смотрю на открывающийся пейзаж. Он куда красивее, чем казалось вчера. Сегодня весь залив как на ладони. Кристально чистая голубизна моря порою кажется прозрачной в ослепительном солнечном свете. Как все меняется в погожий день.

– Твоя мама говорила, что Сент-Феликс – это что-то особенное, – говорит Эмбер. – Но такой красоты я не ожидала.

– Так зачем ты приехала? Я знаю, что по маминой просьбе, но для чего?

Эмбер пробует чай.

– М-м-м… Ромашка. Это так успокаивает! А я твой новый флорист, – заявляет она. – Я работаю с твоей мамой в Бруклине. Хвастаться не люблю, но я одна из лучших цветочниц Нью-Йорка.

– Потрясающе, – киваю я. – Эмбер, я не сомневаюсь в твоем таланте. Но почему ты оставила Нью-Йорк и поехала в Сент-Феликс? Это совсем не то же самое.

– Люблю перемены, – говорит Эмбер и снова отхлебывает чай.

– Вообще с маминой стороны было рискованно тебя сюда отправлять. А если бы я решила продать магазин?

– А она знала, что ты его оставишь, – уверенно сообщает Эмбер.

– Откуда, если я сама до сегодняшнего утра этого не знала? Я это решила за полминуты до того, как ты в дверь постучала.

– Я по ее лепесткам прочитала, – говорит Эмбер, возвращается в комнату и садится в кресло-качалку. – Вот это круто!

И она принимается качаться.

Я иду за ней.

– Что значит по лепесткам прочитала?

– Я погадала по ее лепесткам. Это что-то среднее между чаинками и картами Таро.

У меня глаза лезут на лоб. Она что, серьезно?

– Может, я пожалею, что спросила, – говорю я, садясь на диван напротив нее. – Но все-таки как можно читать чьи-то лепестки?

Эмбер сонно улыбается.

– Это дар. Если хочешь, погадаю тебе, пока я здесь.

– Нет, спасибо, в этом нет необходимости.

– А чего ты боишься? – Эмбер смотрит поверх моей головы остекленелым взором. – Ты в курсе, что у тебя очень грязная аура? Могу почистить.

И прежде чем я успеваю вежливо отказаться, она продолжает:

– Я вижу вокруг тебя много тьмы, Поппи. – Она вздрагивает. – Много тьмы и боли.

– Что тебе еще моя мать наговорила? – кричу я, взвиваясь на ноги. – Это никого, кроме меня, не касается!

– Эй, сестренка, полегче. Ничего мне твоя мать не рассказывала, я сама все вижу.

– Нечего тут видеть. – Я подхожу к французскому окну и смотрю на белые клочки облаков в ярко-синем небе. – Эмбер, я не хочу показаться грубой, я правда очень рада, что ты будешь мне помогать. Я ничего в цветоводстве не смыслю.

На самом деле я с трудом верю своему счастью. Выходит, мне никого не надо искать. Вычеркнут первый пункт из списка всего, что предстоит сделать, чтобы поднять магазин.

– Но я буду признательна, если цветами дело и ограничится. У меня свои дела, и все эти спиритические штучки – ты в них разбираешься, но мне они не подходят.

Огромная чайка зависает прямо перед балконом. Пару раз взмахивает крыльями и смотрит на меня так, будто спрашивает, что мне понадобилось на ее территории. А потом уносится прочь на поиски добычи.

– Твой талант нас очень выручит, не сомневаюсь, – говорю я, следя за чайками, охотящимися за рыбой. – Я не очень представляю, что будет с магазином после открытия. Ты меня застала врасплох со своим приездом. И если у тебя есть какие-нибудь идеи, то я с радостью их выслушаю…

Поворачиваюсь, не дождавшись ответа: кресло больше не раскачивается, а Эмбер сладко спит.

Круто.

Я стаскиваю с дивана покрывало и осторожно укрываю Эмбер. Она и ухом не ведет, и я спускаюсь к себе в спальню, чтобы переодеться.

Я оставляю Эмбер посапывать в кресле, а сама отправляюсь за завтраком. Вчера я ухватила только рыбу с чипсами и на этот раз иду в супермаркет за основными продуктами типа молока, масла, джема и хлеба. Попозже, когда у меня будет время составить список, затарюсь всем остальным.

На обратном пути я останавливаюсь возле «Голубой канарейки». Пироги в витрине выглядят так же заманчиво, как и в детстве. Только теперь не надо вставать на цыпочки, чтобы их разглядеть.

Человек в горчичного цвета брюках и плотной белой футболке с изображением голубой канарейки вытаскивает из магазина рекламный щит. Ставит его на тротуар и улыбается мне.

– Ну как, – говорит он. – Соблазнить вас чем-нибудь вредным, но вкусным?

– Попробуйте, – ухмыляюсь я. – Все такое аппетитное.

– И что будоражит ваше воображение? Из выпечки, разумеется?

– М-м… – И тут я вспоминаю. – А нет ли у вас пирожных с заварным кремом? Я их часто тут покупала, когда была маленькой.

– Дорогая моя, конечно же, есть! Это одно из наших фирменных пирожных. Идемте, идемте! – Он затягивает меня в магазин. – Деклан! Пирожные готовы?

– Как раз поспели, Энтони! – откликается веселый голос из глубины магазина, и человек чуть более худой, уже в красных брюках и в такой же футболке, прикрытой синим фартуком, вносит поднос, полный пирожных с заварным кремом.

– Сколько вам? – спрашивает Энтони, становясь к кассе.

Я вспоминаю про Эмбер, спящую в коттедже.

– Два, пожалуйста.

– Отлично. – Энтони заворачивает пирожные. – Так когда вы их покупали?

– Ох, много лет назад. В детстве я приезжала сюда на каникулы.

– Как мило. Вы, наверное, знали дядю Деклана. Это от него Деклан унаследовал магазин.

– И все рецепты! – сообщает Деклан, вынося новый поднос, на этот раз со сдобными булочками, и ставя его на прилавок. – Вот эти точно как у дяди.

– Тогда они великолепны, – улыбаюсь я, протягивая Энтони десятифунтовую купюру. – Это мои любимые.

– Вы здесь снова на отдыхе? – спрашивает Деклан, становясь за прилавок. – В это время года туристов маловато.

– Как и в любое другое, – бурчит Энтони, барабаня по клавишам кассы.

Деклан сердито смотрит на него.

Я набираю побольше воздуха. Давши слово – держись.

– На самом деле я хозяйка цветочного магазина дальше по улице. Я Поппи, внучка Розы.

В первый момент Энтони и Деклан ошеломлены, а потом приходят в восторг.

– Ох, дорогая, что же вы сразу не сказали?! Это потрясающая новость! Мы обожали Розу. Были совершенно опустошены, когда ее не стало.

Энтони снова лезет в кассу и вместо сдачи сует мне обратно десятифунтовую купюру.

– За наш счет, – говорит он. – Я должен был догадаться: Роза ведь тоже любила пирожные с кремом!

– Правда?

И как я забыла!

Он кивает. А потом лезет в карман за платком и вытирает глаза.

– Простите! – бормочет он, отворачиваясь. – Увидеть вас здесь, узнать, что вы будете заниматься чудесным магазином Розы… Я так взволнован!

Деклан улыбается мне.

– Он слишком впечатлительный. Я уже привык.

До меня внезапно доходит.

– Ваши имена! Энт и Дек!

Энт оборачивается, и выражение горя на его лице сменяется радостью.

– Круто, правда? Сначала мы из-за этого очень злились, а теперь, когда Энт и Дек стали мировыми знаменитостями, это нам только на пользу.

– Я бы не назвал их мировыми знаменитостями, милый, – говорит Деклан. – Но нашему бизнесу это на руку.

Он смотрит на заднюю стену магазина, и я вижу тщательно выведенную надпись:

Добро пожаловать

в пекарню «Голубая канарейка»!

Ее хозяева

Энт и Дек

будут рады вам помочь.

– Покупателям нравится, – продолжает Деклан. – И они ничуть не разочарованы, что их обслуживаем всего лишь мы.

– Еще бы! – говорю я. – Думаю, вы ничуть не хуже тех. Если не лучше.

– Когда вы собираетесь открыть магазин? – спрашивает Энтони. – С тех пор как ваша бабушка легла в больницу, им занималась Женская гильдия, но методы у них… – Он корчит гримасу. – Скажем так, до уровня Розы они не дотягивали.

– Давай начистоту: как Роза, с цветами обращаться никто не умел, – говорит Деклан с грустью. – У нее был какой-то совершенно особый дар.

Они понимающе смотрят друг на друга.

Что такого чудесного могла бабушка делать с цветами? Помню, люди от нее уходили осчастливленными, иногда даже до слез, и мне это тогда казалось странным. Как же у нее так получалось?

– Я еще точно не знаю, когда мы откроемся, – говорю я. – По счастью, ко мне на помощь приехал флорист из самого Нью-Йорка!

– Как это изысканно! – восклицает Энтони. – Жду не дождусь посмотреть на их стиль! Надеюсь, он… или это она?

– Она.

– Она сумеет привнести манхэттенские нотки в магазин. В последнее время там этого очень не хватало.

И они снова переглядываются.

– Мы обе будем стараться изо всех сил, – заверяю я, теряясь в догадках, что означают эти взгляды.

– Тут понадобится нечто большее, моя милая, – говорит Деклан. – После всего, что тут последнее время творилось, нужно настоящее чудо.

Глава 8

Аконит – благородство

Мы с Эмбер разглядываем фасад магазина.

Половина десятого, мы успели снова выпить чаю и угоститься кремовыми пирожными. Я предлагала Эмбер остаться дома и выспаться, но она настояла на том, чтобы пойти со мной – посмотреть, во что впуталась.

– Придется поработать, – констатирует она. – Причем изрядно.

– Знаю. – Я отступаю на шаг, чтобы получше все разглядеть. – Только как именно? Тут простой покраской не обойдешься.

– Хочешь, я расскажу, как все устроено в магазине у твоей мамы? – предлагает Эмбер.

– Да я знаю, бывала там.

– А я тебя не помню, – озадачивается Эмбер. – Я там была?

– Вряд ли. Это было давно.

Точнее, когда магазин только-только открылся. Это казалось просто сногсшибательным, и я прыгала от радости, предвкушая путешествие по Большому Яблоку. Вид города, который никогда не спит, и возможность пожить в нем так будоражили меня, что о самом магазине я особо не задумывалась. Теперь, стоя перед «Гирляндой маргариток», я испытываю чувство вины: будто вместе с родным человеком умерла частица моей собственной жизни.

– Во всяком случае, – говорю я, надеясь, что голос звучит бодро, – я не собираюсь копировать один из наших магазинов. Если я им займусь – а это, поверь, для меня нелегкое решение, – то сделаю это по-своему.

– Девушки, вы не могли бы подвинуться? Нам надо цветы занести.

Мы оборачиваемся. Три дамочки разного возраста и веса выгружают цветы из маленького белого фургона.

– Извините, – говорю я женщине, которая трусцой несется к дверям с посудиной, полной гвоздик. – Магазин закрыт и откроется только после ремонта.

– Что? – вскидывается дама средних лет, в куртке от Барбур и с платком с «огуречным» узором на шее. – Глупостей не говорите, мы закрыты только по воскресеньям и понедельникам. Отойдите сейчас же.

– Нет. – Я загораживаю ей дорогу. – Боюсь, что вы сегодня сюда не попадете. Как я уже сказала, магазин закрыт.

Эмбер заслоняет дверь, драматическим жестом раскинув руки, и рукава ее цветастой блузы реют как паруса.

Дама разглядывает нас обеих как досадное мелкое недоразумение, без которого вполне можно было бы обойтись.

– Берил, Уиллоу! – окликает она своих спутниц, разгружающих фургон. – Вам что-нибудь об этом известно?

Берил и Уиллоу выглядывают из-за фургона.

– Эти девчонки не пускают нас в магазин, – презрительно сообщает дама.

Берил, статная и седовласая, и Уиллоу, высокая худенькая девушка лет двадцати, выступают вперед и скрещивают руки на груди.

Дама в куртке от Барбур наклоняет голову в мою сторону.

– Не знаю, что вы тут вообразили, – негромко произносит она, – но лучше вам уйти с дороги. У нас полно работы. И мы не любим, когда нас задерживают.

Я тоже скрещиваю руки и смотрю на нее в упор. Эта фифа что, всерьез затевает драку посреди города? Определенно времена изменились!

Берил и Уиллоу молча приближаются к нам.

Я в напряжении поджидаю их. И никогда еще так не бываю рада мягкому голосу констебля, вопрошающему:

– Доброе утро, леди. Могу я чем-нибудь помочь?

Вуди! Слава богу.

– Констебль Вудс, как вовремя! – сладко улыбается дама в Барбуре. – Эти девушки не пускают нас в магазин.

Вуди подскакивает от неожиданности, увидев сначала меня, а потом и Эмбер, загородившую дверь.

– Это правда, леди? – спрашивает он.

– Конечно, правда! – выкрикивает Эмбер и запевает: – И с места нас не сдвинешь ни за что!

– Моя подруга хочет сказать, Вуди, – мягко произношу я. – Ты же не против, чтобы я тебя так называла?

Он мотает головой.

– Эмбер хочет сказать, что я теперь хозяйка магазина и он будет закрыт до особого уведомления.

Вуди поворачивается к даме:

– Ну, Харриет?

– А какие у нее доказательства? – требовательно выкрикивает та. – Вы у нее подтверждения не хотите попросить, констебль Вудс?

Вуди снова оборачивается ко мне.

– Это верно.

– У меня ключи. – Я лезу в карман. – Вполне убедительное доказательство.

– У меня тоже! – Харриет предъявляет ключ на веревочке.

Вуди начинает нервничать.

– Это магазин моей бабушки. Я Поппи, внучка Розы, и я получила его по наследству. Можете спросить Эмбер, или Энта и Дека вон в том магазине, или Риту и Ричи в «Веселой русалке», или…

– Меня.

Джейк.

Вуди оборачивается и видит Джейка с Майли на плече, наблюдающего за происходящим с другой стороны дороги.

– Я могу поручиться за Поппи. Ее мать несколько дней назад звонила мне и предупредила о ее приезде. – Он подходит к нам. – А что до вас, Харриет, то я удивлен, почему Кэролайн вас не предупредила, что вы сегодня не понадобитесь. Она еще вчера узнала, что магазин теперь принадлежит Поппи.

Я замечаю, что сначала Харриет слушает Джейка с непроницаемым видом, но ощетинивается, едва речь заходит о Кэролайн.

– Так Кэролайн знала? – возмущается она. – А почему она нам ничего не сказала?

– А как по-вашему? – Джейк пожимает плечами. – Чтобы спровоцировать скандал. Она всегда так делает, когда не получает, чего хочет.

Харриет быстро обдумывает сложившееся положение, прикидывая, как выйти из него, не уронив себя.

– Если все это правда и вы, Поппи действительно новая владелица «Гирлянды маргариток», я должна извиниться.

Она протягивает руку, и я пожимаю ее. Харриет твердо кивает головой.

– Как вы уже слышали, вина в возникшем недоразумении лежит на нашем президенте, Кэролайн. И хотя это произошло по ее недосмотру, должна сказать, что она вкладывала много сил в этот магазин, но последнее время была слишком занята…

Джейк громко откашливается.

– И это непростительно, – заканчивает Харриет, метнув на него леденящий взгляд, – что ваше знакомство с Женской гильдией Сент-Феликса началось таким образом. Надеюсь, вы будете достаточно великодушны, чтобы нас простить.

Я киваю, немного ошарашенная ее речью.

– Само собой. Извинения приняты.

Вуди аплодирует, но тут же торопливо прячет руки за спину и придает себе ответственный вид, а у самого пылают щеки.

– Я хотела бы поблагодарить за заботу о магазине, пока бабушка была в больнице. Это было очень любезно с вашей стороны.

Я улыбаюсь Берил и Уиллоу. Уиллоу сияет в ответ, Берил щерится, что можно расценить как улыбку.

– Не стоит благодарности, – отвечает Харриет за всех. – Розу высоко ценили в Сент-Феликсе, и это было меньшее, что мы могли сделать. Любому члену ее семьи всегда рады на собраниях гильдии. Надеюсь, вы к нам присоединитесь, Поппи. Нам не повредит вливание свежей крови.

Уиллоу радостно кивает. Джейк хмыкает у меня за спиной.

– Я подумаю, – вежливо говорю я.

– А мне можно? – спрашивает Эмбер, отходя от двери магазина. – Никогда не состояла в Женской гильдии, в Америке такого вроде нету. Что это вообще? Звучит прикольно.

Пока Эмбер обсуждает все блага Женской гильдии с Харриет и Уиллоу, я подхожу к Джейку и Вуди.

– Спасибо, – говорю я.

– Не за что, мисс, – отвечает Вуди. – Обычная работа.

– Это я Джейку. За то, что он за меня поручился.

Джейк гордо улыбается.

– Но если бы ты не появился так кстати, – торопливо добавляю я, заметив, как расстроился Вуди, – не знаю, что могло бы случиться. Обстановка чересчур накалилась.

На этот раз Джейк фыркает.

– Точно тебе говорю, тебя же здесь не было. У этой Берил какой-то зверский вид.

– Да нет, Берил вполне безобидная, – говорит Джейк. – Она уже сколько лет служит в местной церкви. Кларенс совсем пропал бы без нее.

– Кларенс?

– Отец Клейборн, – объясняет Вуди. – Наш викарий. Добрейшая душа, очень помог мне, когда я только приехал в Сент-Феликс. Поппи, я бы и сам за тебя поручился, если бы знал, кто ты. Но ты же мне вчера ничего не сказала.

– Знаю, Вуди, извини меня. – Я дотрагиваюсь до его руки, и он густо краснеет. Что с ним такое? В отличие от большинства женщин я не западаю на форму. Но Вуди такой милый, как щеночек: не хочется обидеть его или огорчить.

Джейк быстро меняет тему.

– Так, из всей этой утренней чехарды я делаю вывод, что ты окончательно решила сохранить магазин. – Он окидывает взглядом «Гирлянду маргариток». –

А я все гадал, не передумаешь ли ты со вчерашнего дня.

– С чего я должна была передумать? – вру я.

Джейк пожимает плечами:

– Мало ли, может, ляпнула сгоряча, а потом задумалась на холодную голову.

Я мотаю головой.

– Нет.

– Прекрасно, я рад этому. Но теперь, если старушка остается у тебя, надо решить, что с ней делать.

Мне нравится, что Джейк говорит о магазине, как о живом человеке.

– Это по-прежнему будет цветочный магазин, – говорю я. – Меня тут линчуют, если я его во что-нибудь переделаю. К тому же мама прислала мне Эмбер из Нью-Йорка.

Мы оба оглядываемся на Эмбер. Та закрыла глаза и под скептическими взглядами Харриет и Берил проделывает пассы над головой Уиллоу.

Кажется, Женскую гильдию они уже обсудили.

– Она там считалась крутым флористом.

Эмбер щелкает пальцами, широко распахивает глаза и объявляет, что аура Уиллоу очищена.

– Хотя время покажет, – добавляю я.

Майли перелезает на плечо Вуди и теребит пуговицы, к немалому его беспокойству.

– Вуди, она ничего не сделает, – говорит Джейк, – я тебе это тысячу раз твердил.

– Я знаю, но за форму тревожно, это же казенное имущество, сам знаешь.

– Ой, обезьянка! – вопит Эмбер, бросая свою гильдию и подбегая к нам. Она смотрит на Вуди: – Это ваша? Полицейская обезьянка, прелесть какая!

– Ничего подобного! – Вуди пытается отцепить Майли от своего плеча.

Майли понимает намек и перелезает на Эмбер. В восторге разглядывает пестрые пряди в волосах, а потом добирается до цепочек и бус у нее на шее.

– Майли, – предостерегающе произносит Джейк. – Не шали.

– Все в порядке, – говорит Эмбер. – У парня, жившего напротив нашего магазина в Нью-Йорке, была обезьянка. Я люблю животных.

– Как ни неприятно мне вторгаться в ваш междусобойчик, – говорит Харриет, – все-таки надо решить, как быть с цветами. Мы не можем держать их на складе, пока вы, Поппи, не откроете магазин, и бросать их посреди улицы нельзя.

– Да, точно… Э-э?.. – Я оглядываюсь на остальных, но все озадаченно смотрят на меня.

– Я знаю, – объявляет Эмбер. Майли восседает у нее на голове, словно маленький хипповый Будда. – Много денег на этом не зашибешь, но будет классно.

Глава 9

Венерин башмачок – капризная красота

– Ты уверена? – в десятый раз спрашиваю я у Эмбер, сидя в ворохе лент, проволоки и цветочных головок.

– Да, все в восторге будут.

Чтобы не пропали цветы, приехавшие в фургоне, Эмбер придумала сделать из них венки и раздать всем женщинам в городе. Она рассудила, что это будет отличным приветственным жестом.

Эмбер, видимо, представила себе, что мы будем стоять на улице и под музыку Боба Дилана вручать венки прохожим, как хиппи семидесятых.

Я со своим более практическим подходом решила просто устроить акцию в магазине и брать минимальные суммы, чтобы покрыть расходы, а остальное пожертвовать на благотворительность.

– Это называется «убыточный лидер», – тактично сказал Джейк. Но тут из подсобки нагрянула Женская гильдия с лентами, проволокой и инструментами, и он ретировался вместе с Майли, заявив, что его дело – выращивать цветы, а не аранжировать их.

– Но, – добавил он перед уходом, – я поговорю с Бронте, моей дочуркой. По идее ей с подругами такое должно нравиться. Может, они зайдут во время перерыва в школе, заберут часть венков.

– Славный он, этот Джейк, – говорит Эмбер, забирая у меня очередную гвоздику и проворно прикручивая ее к проволоке. – И горячий.

Я ничего не отвечаю, только кошусь на остальных: какая будет реакция?

– У Джейка трагическое прошлое, – говорит Харриет, скручивая проволоку так, как ее научила Эмбер.

– А что случилось? – спрашивает Эмбер. – Я уловила исходящую от него печаль, но не смогла определить ее суть.

Харриет вопросительно смотрит на Уиллоу и Берил.

Те молча кивают с серьезным видом.

– Его жена, Фелисити, внезапно покинула нас несколько лет назад. Она все озаряла светом, от родительского комитета до нашей гильдии. Милая Фелисити всегда помогала, собирала средства, у нее для каждого находилось доброе слово.

– Чудесная, наверное, была, – произносит Эмбер.

– Именно. Ее все любили.

– Ее смерть нас всех подкосила, – говорит Уиллоу, скручивая ленты. – С Фелисити было так хорошо. Она всегда всем помогала, что бы ни случалось. Такая мягкая, изящная, такая…

– Уиллоу, тебя послушать, так она святая, – замечает Харриет. – Конечно, она была прекрасным человеком, и я никому не позволю дурное слово о ней сказать. Но у нее были свои изъяны, как у любого из нас. Никто не идеален.

– С этим не поспоришь, – бормочет обычно молчаливая Берил.

– Но у Джейка, кажется, остались дети?

Эмбер, умница, спрашивает обо всем, что я хотела бы узнать, да боялась показаться чересчур любопытной.

– Да. Сколько сил он вложил, чтобы воспитать их после смерти матери! – с одобрением вспоминает Харриет. – Бронте сейчас пятнадцать, она в одном классе с моим сыном. А Чарли семнадцать.

– Ого! А по нему и не скажешь, что у него такие большие дети! – восклицает Эмбер, пока я обдумываю услышанное. – Он, наверное, был совсем молодым, когда они родились.

– Фелисити и Джейк с ранней юности были неразлучны, – мечтательно вздыхает Уиллоу. – В шестнадцать познакомились, в восемнадцать помолвка, в девятнадцать свадьба, и первый малыш появился, когда им только-только минуло двадцать.

– И смерть разлучила их десять лет спустя, – заканчивает за нее Берил. – Как Ромео и Джульетту, если тебе хочется романтизировать боль от вечной разлуки, Уиллоу.

Берил с каждой минутой нравится мне все больше. Говорит мало, но уж если открывает рот, то никаких тебе хождений вокруг да около – большой плюс в моих глазах.

Уиллоу, насупившись, склоняется над венком и связывает друг с другом концы ленточек.

– Ты в порядке, Поппи? – спрашивает Эмбер. – Ты как будто побледнела.

– Все отлично, – говорю я. – Просто хочу побыстрей разобраться с венками.

А сама, срезая головки цветов, не могу оторвать взгляд от старой бабушкиной конторки и вспоминаю…

Как и предвидела Эмбер, ее идея произвела фурор.

Когда мы их доплели, дамы из Женской гильдии ушли по своим делам, а мы с Эмбер остались возле магазина. Уиллоу и Берил, обе в венках, уходили под ручку.

Мы сплавили несколько венков прохожим за символические пожертвования, а потом явились Энт и Дек и пришли в восторг. Они ушли к себе в веночках и так весь день их и таскали – я это точно знаю, потому что сама к ним забежала за пирожными с кремом (Эмбер они понравились не меньше, чем мне).

Дело пошло куда живее, когда во время обеда появились Бронте и ее школьные подруги. За сорок пять минут мы сбагрили все венки.

– Круто! – восклицает Бронте, кружась с цветами в волосах. Нет никаких сомнений в том, чья она дочь. У нее такие же темные волосы и карие глаза, как у Джейка. – У нас ничего похожего раньше не бывало: как будто настоящий фестиваль! Вы еще будете так делать, когда откроетесь?

– Да, – обещаю я. – «Гирлянда маргариток» будет крутым магазином.

Бронте улыбается.

– Без вариантов, если вы обе будете им заниматься!

Я уже хочу поблагодарить ее, как она продолжает:

– Пожилая готка и американская хиппи в одном магазине – это же мегафишка! Вы отпадно будете вместе смотреться, я дождаться не могу открытия!

На этом Бронте с подружками сбиваются в щебечущую стайку коротких юбочек и бутылочно-зеленых джемперов и упархивают вверх по холму.

Я смотрю на Эмбер, все еще держа в руках коробку из-под венков.

Та неловко улыбается.

– Я бы скорее сказала, что я хиппи Новой волны.

– Ты легко отделалась! Я никакая не готка. И уж тем более не пожилая!

Эмбер окидывает меня взглядом.

– А тебе сколько лет?

– Тридцать!

– Правда? – У Эмбер изумленный вид. – Я думала, ты гораздо моложе. На свои не выглядишь. Но, может, Бронте имела в виду одежду. Ты выглядишь немного… как бы повежливее сказать…

– Говори как есть.

– Мрачно.

– Что значит мрачно? Если я, в отличие от тебя, все цвета радуги на себя не нацепила, это еще не значит, что я готка!

– Да нет, но ты сама посмотри. – Эмбер указывает на мою одежду. – Это же все черное.

– Сегодня черное, а вчера на мне были башмаки бургундского цвета.

– С чем?..

Я вздыхаю.

– Ну, легинсы тоже черные были. Но это же не значит…

– Я просто говорю, что вижу, и Бронте так же сделала. К тому же ты держишься немного…

Я закатываю глаза.

– Ладно, давай уже, выкладывай.

– Резко.

– Это я держусь резко? – вскидываюсь я.

– Ну вот видишь.

– Но не всегда же, верно?

– Нет, не всегда, – улыбается Эмбер и поднимает цветок, завалявшийся на дне коробки. – Я думаю, новая моя подруга, где-то в глубине прячется что-то гораздо более мягкое. Но я пока не могу понять…

– Ну и чего же?

Она вплетает цветок мне в волосы над ухом, и меня передергивает.

– Почему ты это от нас прячешь?

Глава 10

Лен – я чувствую твою доброту

Надо же, стоит собраться с духом, чтобы что-то сделать, и все начинает получаться очень быстро.

После того как мы с Эмбер распродали на улице венки, дела с магазином стали налаживаться.

Оказалось, что Эмбер негде было остановиться в Сент-Феликсе. Она собиралась пожить в «Веселой русалке», пока что-нибудь не подыщется. Узнав об этом, я предложила ей поселиться вместе со мной в кот- тедже.

Что вразрез со всеми моими инстинктами: ненавижу жить вместе с кем-нибудь. Мне всегда было легче одной. Но не могла же я допустить, чтобы Эмбер ютилась в пабе, когда у меня есть свободная комната. Тем более после того, как она помогла мне с магазином. И вообще при всех своих чудачествах Эмбер была очень славной. С ней я то и дело улыбалась – а этого мало кому удавалось добиться.

Так что я перетащила свои пожитки в старую бабушкину спальню наверху. Освоилась я там не сразу, но в конце концов комната показалась уютнее, чем наш с Уиллом уголок – там мне в первую же ночь было не по себе. А потом мы принялись обсуждать новый магазин.

Что бы ни делали в прошлом бабушка и участницы Женской гильдии, мы с Эмбер дружно сошлись на том, что новое поколение должно привнести в магазин свою собственную, особенную изюминку.

Хотя формально именно я была новой владелицей магазина, Эмбер казалась мне такой же равноправной хозяйкой. Она профессиональный флорист, а я так,

погулять вышла.

Порешили, что помимо свежих цветов будем торговать еще и всякими штучками: крутой бижутерией и керамикой с растительными мотивами. «Гирлянда маргариток» будет не только для женщин, надумавших купить букет, но и для того, чтобы там могли тусоваться девчонки вроде Бронте. Любишь цветы в любой форме – тебе в «Гирлянду маргариток».

И в этом была самая большая моя проблема.

Потому что я цветы не любила.

Эмбер знала о цветах все: названия, аромат, оттенки, как долго простоят, какую температуру им подавай, в каких условиях хранить. Ее опыту и энтузиазму не было предела.

Мы подолгу просиживали в коттедже, обдумывая фишки для магазина. От чего-то был толк, вроде моей идеи продавать разные изделия, от чего-то не было: Эмбер однажды предложила каждое утро выкладывать перед магазином дорожку из лепестков, чтобы заманивать покупателей. Мы решили исследовать темные недра магазина, но сохранить все, что делало «Гирлянду маргариток» такой особенной при бабушке.

Мы шерстили интернет с айпада Эмбер, разыскивая всевозможные картинки, собирали в Пинтересте снимки цветочных магазинов, вычисляя, какие веяния сейчас в моде у флористов. В конце концов сошлись на морском стиле, чтобы вписаться в окружающую обстановку.

Задний план будет ярко-голубого цвета, на полках из состаренного дерева разложим всякие безделушки. На деревянные столы поставим металлические корзинки с цветами на продажу. И старую бабушкину конторку сохраним. Эмбер сказала, что она приносит удачу, и если за нее встать, то почувствуешь души всех, кто раньше за ней работал. Да я и сама бы с ней не рассталась: слишком много воспоминаний с ней было связано. И конторка вписалась в наш новый дизайн.

В недрах шкафов мы отыскали старинный фарфоровый сервиз с цветочным рисунком и решили расставить посуду на полках – как дань долгой истории

магазина.

Мы надеялись, что получится эклектика, но стильная. В идеале мы и воздадим должное бабушке, и дадим хороший старт новому успешному бизнесу.

Воскресенье. Почти две недели минуло с тех пор, как я приняла судьбоносное решение сохранить магазин. Для меня это и правда был переломный момент: в жизни на себя такой ответственности не взваливала! Сегодня предстояло сделать первый шаг в декорировании магазина. Мы решили работать сами: наем местного декоратора или художника съест значительную часть подъемных, выданных мне мамой.

Хотя мама снабдила меня средствами без всяких условий, просто чтобы удержать в магазине, я решила, что все ей верну, когда дело запустится и, даст бог, пойдет в гору.

И если я это сделаю, то сделаю по-своему.

И вот мы развешиваем по стенам картинки из магазина самоделок в соседнем городке. Эмбер украсила яркую шевелюру пестрым шарфом, а я в своем обычном монохроме, только сейчас преобладает белый цвет, а не черный. Вокруг расставлены непочатые банки с краской, а мы вооружены кистями и валиками.

Мы дружно вздыхаем и оглядываем пустые стены, вешалки и столы.

– Ну и с чего начать? – спрашиваю я.

– Понятия не имею, – отзывается Эмбер. – Ты когда-нибудь декором занималась?

Я мотаю головой.

– И я нет, – говорит Эмбер. – Дома мы всегда кого-нибудь нанимали. Комнаты были слишком большими, самим не справиться. Да мама и не рвалась: маникюр же!

Я кошусь на Эмбер. По ее одежде и манерам я и предположить не могла, что она из состоятельной семьи. И тут же одергиваю себя: мне бы в зеркало посмотреться, прежде чем судить о людях по одежке.

– Так что сначала? – спрашиваю я, уставившись на банку краски. – Это?

– Когда приходят рабочие, сначала нужно поставить чайник!

И в магазин вваливается Джейк во главе целой армии: тут и Вуди, и Белль, и девчата из Женской гильдии, и все вооружены кисточками, валиками, наждачной бумагой и уймой всяких других штуковин, о необходимости которых я и не догадывалась.

– Друзья, заходите! – вопит Эмбер. – Если вы не против того, чтобы чай вам заваривала американка, то сейчас я все сбацаю!

– Что вы тут делаете? – спрашиваю я Джейка, ошарашенно глядя на лавину гостей.

– Мы подумали, что вам пара лишних рук не помешает.

С этими словами Джейк приставляет к стене валик с длинной ручкой. Майли слезает с его плеча и скачет к Эмбер. – Ты же говорила Рите в «Русалке», что вы хотите сегодня взяться за отделку?

– Да…

– Она кинула клич, и вот мы здесь!

У меня в голове не укладывается, сколько народу прибегало ко мне после того, как я решила сберечь магазин: поздравляли, благодарили, говорили, как правильно я поступила.

«Гирлянда маргариток» явно занимает особое место в сердцах жителей Сент-Феликса, и я твердо намерена узнать почему.

– Потрясающе, – бормочу я, все еще не веря своим глазам. Как-то я не привыкла, чтобы мне помогали. – Но я… я же не могу всем заплатить.

Джейк странно смотрит на меня.

– А зачем нам плата? Мы просто помочь пришли.

– Но почему?

– Потому что у друзей и соседей так принято – помогать друг другу.

– Да, конечно. Разумеется. – Я неловко улыбаюсь. – Что ж, спасибо. Это потрясающе. Но я, кажется, это уже говорила?

Джейк улыбается.

– Говорила. Только благодари не меня, а Риту. Они с Ричи придут, когда в «Русалке» кончится время завтрака.

Он оглядывается по сторонам.

– Ну, с чего начнем?

По счастью, среди нас находятся люди, которые кое-что смыслят в декоре. Они разбивают нас на команды, и процесс приходит в какой-никакой порядок. Сначала предстоит отскоблить облезшую краску и заделать трещины. Мне это и в голову не приходило.

Я думала, надо просто красить поверх трещин: что в декоре, что по жизни.

Потом я помогаю Чарли, сыну Джейка, зашкурить один из старых деревянных столов. Чарли – славный парнишка, высокий, как Джейк, но если Бронте мастью пошла в отца, то он, наверное, больше похож на мать. У него ярко-голубые глаза и светлые волосы, он вежлив и держится спокойно и скромно.

– Извини, что тебя сюда выдернули в воскресное утро, – пытаюсь я завязать разговор.

– Все нормально, – отвечает он, надраивая шкуркой ножку стола. – Все равно особо делать нечего. На море погода не очень.

– А если бы была очень, ты бы что делал?

Он смотрит на меня, прикидывая, с какой стати я расспрашиваю.

– Не знаю, может, на пляж пошел бы. На сёрферов бы посмотрел, если бы волна была хорошая.

– А сам сёрфингом не занимаешься?

– Нет.

– Почему?

– Я похож на сёрфера?

Единственное, что в Чарли подходит под стандартный образ сёрфера, – это белокурые волосы. Хоть он и высок ростом, но слишком худ. Кажется, его с доски смахнет ветром, как травинку, что уж говорить о катании на восьмифутовых волнах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/maknamara_eli/malen-kiy-cvetochnyy-magazin-u-morya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить